

Елена Клепикова – прозаик, детский писатель, эссеист. Живет в Алматы, Казахстан. Закончила спецотделение исторического факультета Казахского Государственного университета. Выпускница семинара по писательскому мастерству «Мастер-класс» фонда «Мусагет», а также мастер-семинаров Брэнды Фланаган (США), В. Воскобойникова, О. Павлова, Л. Бахнова (Россия). Преподаватель и ведущая семинара детской литературы и прозы в Открытой литературной школе Алматы.

Ксения Рогожникова (Ксения Земскова) – поэтесса, детский писательница. Живет в г. Алматы, Казахстан. Окончила Высшие Литературные Курсы (2007-2009) в Литературном Институте им. Горького, (г. Москва), и шестимесячный курс литературного мастерства «Мастер-класс» при ОФ «Мусагет», (1999 г., г. Алматы, Казахстан). Ведёт семинар прозы и детской литературы в Открытой Литературной Школе Алматы (ОЛША) (с 2010 г. – по настоящий момент).

Елена КЛЕПИКОВА, Ксения ЗЕМСКОВА

МЕЖДУ СНЕГОМ И ДОЖДЁМ

Глава первая

Дверь приоткрылась, и в кабинет крадучись вошла девушка в чёрном. Даша проследила за ней взглядом. Девушка села рядом. Что-то в незнакомке заставило стряхнуть оцепенение, вынырнуть из монотонного голоса лектора. Даша скосила глаза на соседку и отметила тонкие кисти, тёмную волну волос и сжатые губы. Вдохнула и опять перевела взгляд на преподавателя.

«В начале была чёрная бездна Гиннунгагап, по оба края которой лежали царства: тумана Нифльхейм, что олицетворяло холод и мрак, и царство огня – Муспельхейм. В Нифльхейме бил родник Хвергельмир...»

Лектор оттянул ворот поношенного свитера, наклонил голову влево, потом вправо, разминая шею, исподлобья глянул на аудиторию. Яркий электрический свет резал глаза. Откуда-то доносился пряный запах жареного мяса,

и у вечно голодных студентов сводило животы. Хотелось прикрыть веки, положить голову на ладони и уплыть куда-нибудь далеко-далеко по ручью из родника Хвергельмир.

«Сотворив мир, Один и его братья задумали его населить. На берегу моря они нашли два дерева: ясень и ольху...»

Он читал, время от времени поправляя очки и вглядываясь в каждую строчку. Потом вытащил смятый в комочек носовой платок, встряхнул, вытер лицо. «Жарко ему, что ли? Уткнулся в бумаги, этакая вещь в себе, не пускающая вовнутрь ничего и никого, а уж тем более студентов и их студенческую жизнь», – Даша посмотрела в окно.

Свинцово-серые многослойные тучи затянули небо. На стекло упали первые крупные капли. Ветви деревьев покорно гнулись под бешеными порывами ветра. Дробный стук нарастающего ливня проникал в аудиторию даже сквозь плотные рамы.

«Зачем я сюда притащилась? Тоска занудная. Ещё и под дождь попаду» – Даша погружалась и тонула в наплывающем волнами голосе лектора.

Объявление о заседаниях Литературного клуба она увидела у входа в учебный корпус. Студия «Перо Пегаса» приглашала всех желающих отточить навыки литературного мастерства и найти единомышленников. «Дались мне эти заседания. Пошла бы лучше на факультатив по исторической дисциплине. На какую-нибудь геральдику или сфрагистику. Одни названия чего стоят. И в учёбе пригодится. А вот теперь засела так засела. Придётся “буйство стихийное” пережить».

«Иггдрасиль – мировое дерево, или дерево жизни, в германо-скандинавской мифологии – исполинский ясень, или тис, в виде которого скандинавы представляли себе вселенную», – лектор время от времени мрачно взглядывал, будто хотел удостовериться, все ли заснули.

С последнего ряда была возможность рассмотреть разношерстную публику. Вернее, затылки. «Все – незнакомые и замкнутые. И такие самодостаточные, куда бы деться. И вряд ли единомышленники».

Сегодня Литклуб собрался в кабинете английского языка. На стенах – таблицы времён и неправильных глаголов. На доске – незнакомые английские слова. Поодаль – небольшой шкаф, сквозь стеклянные дверцы которого видна пластиковая новогодняя ёлка, покрытая пылью, и маска улыбающегося Санта-Клауса. Они лежали здесь с позапрошлого года красноречивым символом быстротечности времени.

Столы стояли в два ряда, и студенты сидели как в школе, попарно. Вот девочки-подружки. Видно, что они – не разлей вода, даже спины у них одинаково напряжённые. Дальше два парня – блондинистый, тощий, на голову возвышавшийся над своим соседом, широкоплечим и кучерявым. Клички приклеились мгновенно – Донкихот и Санчопанса. Тоже не заинтересованы ни в ком. Одна-одинёшенька сидела только худая и прямая как жердь девушка. Забранные в конский хвост волосы открывали оттопыренные уши и толстые заушники очков. Она единственная из группы внимательно слушала «докладчика», время от времени одобрительно хмыкая. «Очень характерно. Наверняка, даже большая зануда, чем препод».

На другом ряду, впереди, такие же незнакомые ребята. А за последним столом, совсем рядом, через проход – влюблённые. Хихикают, время от времени держатся за ручки: на этих вообще смотреть противно, да и неудобно, шею свернёшь.

На столе, рядом с острым локтем соседки, Даша заметила кокон чёрного зонта, аккуратно свёрнутый и закрытый на застёжку. «Вот кто домой сухой

пойдёт. Интересно, почему она села со мной? А, ну да, в этом ряду и столов-то больше нет. "Жердь" не в счёт, я бы сама к ней ни за какие коврижки не присоседилась».

«И у нас на первом курсе все такие же самодостаточные. Уже либо пере-дружились друг с другом, либо держатся особняком, – Даша положила голову на ладони. – Или я вижу в других отражение себя? Это же я такая замкнутая на самом-то деле. Вспомнить школу – одна подруга на все годы. А когда она переехала в другую страну – в старших классах, так я больше ни с кем и не подружилась. Вечный волк-одиночка. А почему волк? Бывают же и медведи-одиночки, и олени, и даже, наверное, выдры. Ну что, выдра-одиночка, раз-два, собралась и побежала на улицу под воду...»

За блоком в рюкзак полетела ручка и, пока Даша боролась с заевшей некстати молнией, соседка легко тронула за плечо и подтолкнула к ней неровно свёрнутый листочек.

«Печатные» строгие буквы сложились в слова:

«Как тебе название клуба, ПП?»

Даша повернулась, поймала насмешливый взгляд. Улыбнулась в ответ, прошептала: «А давай дальше в чатике?»

Быстрые пальцы, на одном из которых блестело кольцо с чёрным камнем, начертали номер телефона.

«Вот. Так как название?»

«Правильное Питание?» – Даша набила ответ.

«Хорошо хоть не обценная лексика».

«А какие на самом деле перья у Пегасов?»

«Это фанфик по Гарри Поттеру. Такой намёк, что выше нам не прыгнуть».

«А если Пером Гарпии наваять рассказец?»

«Ногтями Горгульи выцарапать на стене».

«А что от препода такой кисляк?»

«Рустика нет, поэтому тоска. Он тоже бубнит, но когда практические – веселуха».

– Долго мы так будем? – вклинился в монолог лектора Донкихот.

– Как так? – с «кафедры» раздался хриплый кашель.

– Практическое будет? – поддержала одна из девушек.

– Рустем Арнольдович просил лекцию прочитать. Про практическое ничего не говорил.

– А дайте нам задание на описание вашего Иггдрасиля. Пальчики оближете, – напирал Донкихот.

– Почему это «вашего»? – лектор сердито сложил бумажки и выбрался из-за стола. – Иггдрасиль такой же мой, как и ваш.

– Наш, ваш, какая разница?

– Я только на лекцию подписывался. Что вам от меня надо?! – пустыми очками оглядел аудиторию. – Свалились на мою голову!

Он выхватил из-под стола потёртый портфель, приоткрыл и принялся небрежно запихивать бумаги в «бездонные недра». По кабинету с новой силой разнёсся аппетитный запах курицы-гриль. «Как же так? – у Даши дух захватило, одновременно от аромата жареного мяса и от брезгливости. – Конспекты лекций на курицу?»

– А хотите практику – сами себе устраивайте, – преподаватель накинуд плащ и ядовито проворчал: – Выслушивай тут описания великого древа от студентов.

Дверь за ним громко хлопнула.

– Бу-бу-бу, – передразнил задира.

«Легко передразнивать, когда никто не слышит, – Даша поёрзала на стуле. – И что теперь?»

– Интересно же было, вы чего? – возмутилась Жердь.

– Интересно – это на третьем курсе, где он эту мифологию два раза в неделю гонит! – обернулся Санчопанса.

«А может, и поторопилась я с выводами, – Даша, которой всё было в новинку, рассматривала задвигавшихся, заговоривших студентов. – На лицо – так этот испанистый Санчо больше похож на идадьо Ламанчского, фигура вот подкачала, правда».

– Пока он тут вещал, я успел набросать кое-что про деревце мировое, – Донкихот медленно поднялся со стула. – Сейчас зачитаю.

– О не-ет, – тихо застонала Дашина соседка, – это надолго. – И потянула новенькую за рукав: – Голову даю на отсечение, надо смываться!

– Голову не надо, зонтом поделишься, – Даша подмигнула, схватила рюкзака, и они выбежали из аудитории.

– Сейчас этот длинный прочитает очередной перл, это скучнее Нифльгейма и Хвергельмира вместе взятых. Плавали, знаем, – новая знакомая прихрамывала, но шла быстро, практически бежала. Даша еле поспевала за ней.

– погоди, тебя как зовут-то?

Девушка остановилась как вкопанная и громко и отчетливо произнесла:

– Рона.

– Я хорошо слышу, Рона.

«Рона, хм, что-то знакомое. Река где-то во Франции, что ли?» – Даша с любопытством рассматривала эту ершистую девушку.

– Вечно все переспрашивают. «Как-как?»

– Необычное имя.

Подумала: «И глаза необычные. Зелёные. Яркие очень. Таких не бывает. Линзы, наверное... Или настоящие?».

– Только не надо теперь: «А это полное имя? А какое полное?»

– Я и не собиралась, – Даша примиряюще улыбнулась, словно пытаюсь слегка пригладить колючки новой знакомой, – а я Дарья. Ты давно в это пегасо-гарпиевское общество ходишь?

– Сегодня третий раз! Ты не думай, только этот белокрысы поэт зануда такой. Постмодернист липовый. Его «перлам внимать» – лучше застрелиться... А вообще, как обсуждения начинаются – можно послушать. Рустик умеет подноготную копнуть. Всё-таки сам рассказы пишет и даже публикуется.

Они вышли в вестибюль главного корпуса. Оказалось, что им по пути до автобусной остановки.

На улице заметно похолодало, воздух бодрил. Хотелось дышать полной грудью после душного и тесного кабинета. Да и ливень превратился в мелкую колючую морось.

– Хватай меня под руку, – Рона раскрыла зонтик и подставила локоть, – не промокнешь.

Даша чувствовала, как локоть новой знакомой на каждом шагу проседает и вновь подскакивает вверх. «Почему же она хромота? Но от личных вопросов лучше пока воздержаться. Потом спрошу».

– А что, многие тексты читают?

– Какая-то девушка читала в прошлый раз, сама не поняла, что написала, но получилось классно. Рустик «шашкой» размахался, разгромил вчистую, чем-то текст не глянулся. А мне понравилось.

– А расскажи про Рустика?

– Странный немного. Мне кажется, своего рода эскапист. Личной жизни

никакой. Только работа, работа. Как в универ поступил лет пятнадцать назад, так и прижился на факультете. Диссертацию, правда, в Германии защищал. И в Турции пару лет преподавал. Ездят на нём – мало лекций с семинарами, ещё дебатный клуб, журнал «Студенческий вестник», философское общество. Наше «Перо Пегаса». И переводами грузят по полной. Зря, что ли, вы, драгоценный наш, пятью языками владеете.

– Ого! А ребят всех знаешь уже?

– Не, только своих, с мехмата и физфака. Их всего-то четверо. Физиков всё время тянет к лирикам. Три курса отучишься, тоже многих узнаешь.

– Я на истфаке, на первом только.

– Ну, это по одному виду понятно. Слушай, мне в магаз заскочить надо, подождёшь? – Она расстегнула куртку, вытащила из внутреннего кармана карточку. Под светом уличного фонаря на груди сверкнул крупный камень. – Я зонт оставляю.

Даша перехватила раскрытый зонт, встала под дерево, там, по крайней мере, не было луж. Рона забежала в небольшой уличный магазинчик. Женщина неопределенного возраста, закутанная в неопрятный балахон, бросила кудлатой собачонке, семенившей за ней, короткое: «Жди» и скрылась за той же дверью.

Собака безропотно села перед крыльцом, неотрывно глядя на дверь.

– Ну что же ты мокнешь, хорошая? – Даша подошла с зонтиком к моське.

Кудлатая шевельнула хвостом, но отбежала в сторону, продолжая смотреть на дверь. Всё её тело выражало нетерпение и напряжённое ожидание.

– Ну, ничего-ничего, вместе подождём.

В дверь входили и выходили люди, но собака сидела неподвижно. Из магазина выбежала Рона:

– Я всё, пошли!

– погоди, тут псинка ждёт, а я её как могу от дождя защищаю.

Рона посмотрела на Дашу так, будто увидела впервые, потом встала рядом под зонт.

– Посмотри, какие у неё красноречивые уши и хвост. Какая в них верность и преданность, – кивнула Даша.

Из-за двери показалась женщина в балахоне с прозрачным пакетом, набитым жестянками с пивом. Вмиг из неподвижной статуэтки собака превратилась в быстрый жизнерадостный комок счастья, что, виляя хвостом, заметался под ногами.

– Дождалась, маленькая, – улыбнулась Рона.

Они смотрели, как дворняга весело потрусила за хозяйкой.

– Дождалась, – подтвердила Даша. – Понимаешь, она бы так и час ждала, и два.

– А ты наблюдательная. Пойдём? – Рона потянула новую знакомую от магазина.

Некоторое время шли молча.

– И чего молчим? – как-то вкрадчиво и ехидно осведомилась Рона.

– М-м-м?

– Ты давно уже должна была спросить, почему я хромаю.

– А почему я должна спрашивать об этом? – ошетинулась Даша, застегнутая врасплох. – Не собираюсь в чужую жизнь лезть. Да и поняла сразу, что не стоит.

Рона удовлетворенно кивнула.

– Ну и ладушки. Смотри, твой автобус идёт?

– Ой, мой!

– Добежишь?

И Даша побежала. Мимо витрин магазинов и кафе, мимо деревьев, с которых падали холодные большие капли, побежала по лужам и ручьям к призывно открытой двери автобуса. Она запрыгнула внутрь, махнула Роне и невидящим взглядом уставилась в окно. Внутри у неё всё так и подпрыгивало, так и kloкотало от бодрящей радости встречи с новым человеком. «Я-то добежала, – Даша сжимала поручень и подскакивала в такт рывкам автобуса, – а вот Рона успела бы?»

Вечером она пару раз писала Роне по всяким пустякам, и та быстро и кратко отвечала.

Ночью Даша долго ворочалась в кровати, прислушиваясь к каждому шороху. Сонное забытье окутывало девушку, но стоило лишь ненадолго задремать, как она просыпалась от непонятого волнения. Наконец сон победил. Ей привиделось, что она лежит в дупле огромного дерева. У него был мясистый, гибкий, ярко-зелёный ствол, раздваивавшийся и опять свивавшийся, и такие же гибкие, сочные, мягкие ветви. «Это даже не дерево, а какой-то бобовый стебель. Очень большой бобовый стебель, как из мультфильма про Джека и бобовые зёрна». В нише из ветвей было удобно и приятно, сквозь зелёную плоть струился мягкий нежный свет. «Как будто в утробе матери, и нет необходимости ни о чём беспокоиться».

Даша замерла, наслаждаясь теплотой и блаженным состоянием мягкого сонного транса. «Я как младенец в свёрнутом трубочкой зелёном листе, – мысли лениво текли сквозь сон, – но может ли такое быть, чтобы не было потребности в еде?» Она приоткрыла глаза и в полутьме комнаты увидела висящий под потолком зелёный воздушный шарик, от которого свисала ниточка к её животу.

Это видение почему-то испугало и насторожило, как будто грубая материальная реальность вдруг вторглась в хрупкий мир мечтаний и дрём, грозя разрушить его. «Ну, это брат притащил шарик вчера из кафешки. Всё как маленький». Даша прикрыла глаза: «А ведь это подсказка! От материи – духу. Дерево питает меня, как еще неродившегося младенца питает пуповина матери».

Тёплые соки текли от стебля и, убаюканная, она заснула, перебирая в памяти мгновения дня.

Глава вторая

Телефон вибрировал, и от его тихого назойливого гудения ныли корни зубов. Рона вслепую нажала сброс, поворочалась, засунула голову под подушку. Было жарко и душно, заснуть никак не удавалось, а тут опять загудел телефон. «Да что же это такое? Родители никогда в такое время не звонили, может, случилось что?»

Не открывая глаз, Рона нащупала мобильник, на автопилоте пробормотала:

– Пап, мам, у меня все в порядке. Что у вас?

– Ронка, я не «пап-мам», это я!

– Дашка?! Сдурела! Воскресенье же! Семь утра – рань несусветная.

– Прости-прости! Мне очень-очень-очень надо рассказать. Мне такое приснилось...

– А днём слабо? Или бумажку взять и записать? – сон медленно отступал.

– Днём забуду, если не всё, так половину. А записать... – Даша задумалась. – Понимаешь, не получается. Я попробовала. Совсем что-то... Бред, одним словом. А во сне всё так правильно и понятно.

– Про что хоть сон?

– Про ворона, вроде как...

Рона поперхнулась, потом засмеялась:

– Вот оноподсознание как срабатывает. Нам же на литературные посиделки нужно нетленкунаваять про кого-нибудь из скандинавской мифологии. Закрепить материал. Так-сэзеть, – передразнила лектора. – Представляешь, попадаешь с птичкой-то!

– Слушай, а ты в ментальные путешествия веришь?

– Это что, когда ты сама здесь, в земном мире, а ментальное тело в инобытии? В смысле в другой реальности?

– Ну, да... Как-то так.

– Знаешь, я в своё время и Блаватскую с Рерихом, и Шри Ауробиндовнимательно проштудировала...В книги Кастанеды заглядывала...Практиками разными эзотерическими занималась...

– И?

– Что «и»? Нет ничего необъяснимого, есть только нам непонятное.

– Ого, моя бабушка так говорила!

– Во-от, ничего нет нового под солнцем. Так что давай в «веришь – не веришь» играть не будем. Рассказывай. Подожди, только блокнот возьму.

– Ну вот, – Даша замялась, –я попала в странный мир. Мое физическое тело оставалось здесь, а ментальное и астральное – там. И там они стали физическим. Ой, запутано... В общем, я была как бы не я. И звали меня, – поправились торопливо, – её, конечно, Тия.

Даша рассказывала и рассказывала. Сон, который снился несколько минут, при передаче обрастал подробностями и красочными деталями. Рона торопливо строчила, изредка задавая вопросы или уточняя что-то ей непонятное.

– Вот. Всё, – Даша выдохнула.

– Эх, хорошо! – Рона чуть не хлопала в ладоши. – Да мы с тобой из этого такую конфетку сделаем! В общем, так: я это структурирую, подправим, дотянем и зачитаем на заседании.

– Точно! Выкрутимся.

Небо за окном светлело, и раздавались первые, пока ещё робкие, голоса птиц.

###

Заседание клуба вёл молодой преподаватель с кафедры философии. К обладателю буйной шевелюры и курчавой бороды прилепилась нелепая кличка «Анисим Карлыч, дорогой». Карлыч о кличке знал и, как ни странно, почему-то находил её для себя лестной. В беседах со студентами председатель клуба, жаждавший неформального общения, отзывался и на Рустика.

Нынешняя встреча посвящалась смерти. Как озвучил Рустик-Карлыч название – «Танатос как движущая сила в литературных произведениях». Он сидел за столом и по бумажке читал:

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,

Задремал я над страницей...

Поэма была длинной, аудитория откровенно скучала. Даша с Роной переписывались незаметно, держа телефоны на коленях:

«Откуда у Рустика такая кличка дурацкая?»

«А, это хохма кошмарная была».

«Заделись».

«Писать долго».

«Да ладно, забей эфир!»

«Ок. Как-то высокая комиссия явилась, и декан философский её по аудиториям водил, коллектив в действии демонстрировал. Ну и к Рустiku завёл и, представляешь, имя забыл! “А это наш самый молодой и перспективный преподаватель – э-э... эм-м...Анисим Карлыч, дорогой!” А Рустик и это стерпел!»

...Что пророчил мне угрюмо Ворон вещий с давних пор,

Хриплым карком: «Nevermore».

Стихотворные строчки о вечном проскальзывали мимо. Быстро набранные телефонные сообщения казались более важными и нужными. Наконец прозвучали последние слова:

...он тень простёр.

И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.

Никогда, о, nevermore!¹

Карлыч снял очки, покусал дужку:

– Мы с вами прослушали... Вы прослушали, а я прочитал, – сам засмеялся своим словам, – один из лучших переводов «Ворона». А сейчас приступим к анализу текста.

«Он нас заморить решил? Я больше не могу».

Рона ответила на сообщение: «Пусть его. Он занудный, но славный. Чудик не от мира сего. Рабочего мозга на три с половиной кило!»

А Карлыч монотонно, будто гипнотизируя, мерно вещал, складывая листочки с прочитанным текстом в стопку под правую руку. Листы перед ним никак не кончались: «По словам самого автора, ворон в стихотворении является символом “горестного и нескончаемого воспоминания”. В общем же эта птица является персонажем, обладающим очень богатой мифологической и фольклорной семантикой».

Дашин телефон завибрировал: «Он нам что, всю Википедию перечитывать будет? Хотя бы своё что сказал!» Даша в ответ отправила смайлик, потом добавила: «Зачем своё, если Вики есть?» и опять настучала целую строку хохочущих смайликов. «Ты всего на первом, а я уже на третьем маюсь». Даша ответила: «Я не доживу до третьего!» – «Доживёшь, куда денешься! Когда практические начнутся, да разборы пойдут, всю нудятину простишь».– «Честно?» – «Ага».

«...Менее явными являются качества, которые вороны приобрели в отдельных легендах и традициях – это мудрость, хитрость, а также функции вестника и пророка».

Лектора на полуслове прервал скрип двери и голос. Бархатный, глубокий, вкрадчивый и одновременно высокомерный:

– Вы позволите нам войти, Рустем Арнольдович? Мы желаем присоединиться к вашему глубоко литературному сообществу.

Это королевское «мы», вздёрнутый подбородок, полуприкрытые тяжёлыми веками глаза и едва заметная улыбка в уголках губ. За кажущейся почтительностью звучала неприкрытая издёвка.

Карлыч снова снял очки, близоруко сощурился, торопливо надел, проблеял нерешительно:

– Ну, э-э-э, входите, раз пришли. У нас тут интересно... вроде как.

В залитую светом аудиторию вступил он. Во всём своём блеске и великолепии – божественный и неповторимый Игорь Заруцкий. «Это что за павлинтакой?» – Рона не скрывала удивления. «Ты с физмата, не знаешь. Это золотая мечта всех гуманитарок. Мы – историки, журналисты и филологи в

¹ Эдгар Аллан По. Ворон. Перевод М. Зенкевича, 1946г.

одном корпусе. Пересекаемся часто. Не поверишь, из-за него девчонки дерутся». Даша отложила телефон и впилась взглядом в пришедшего, торопливым шёпотом добавила: «У него такой голос! На гитаре играет. Что угодно может спеть – и рэп, и рок». Страхнувшие дрёму «литераторы» и «литераторши» встретили явление «царя народу» тихим, но дружным «ах-х». За великолепным красавцем протиснулась свита: три зачарованные кумиром девицы.

Когда группа устроилась, Заруцкий милостиво кивнул:

– Продолжайте, пожалуйста.

Карлыч сложил листочки в одну стопку:

– Если никто по «Ворону» высказаться не желает..., – присутствующие не желали, – тогда перейдём к практическому заданию. А задано вам..., – он пошелестел бумажками. – Вот. Вы должны были написать текст, в котором ключевой фигурой является ворон. Кто-нибудь сподвигся?

Даша с Роней переглянулись и одновременно подняли руки. Больше никто не «сподвигся». Прошелестел шёпот, как порыв ветра, и стих.

– Да-а, не оскудела земля смельчаками, – Карлыч в предвкушении потёр руки. – Ну-ну, начнём, пожалуй. А потом разберём! По косточкам! И покритуем от души.

Рона фыркнула: «Нашелся критик. Критикан!»

Даша выдохнула:

– Страшновато как-то...

– Да плюнь ты! Читай, а я на публику посмотрю. Понаблюдаю.

Под глухой шум, невнятные переговоры и ехидные смешки Даша вышла к кафедре и начала читать.

###

«Тя приоткрыла глаза. Вокруг простиралась пустыня без конца и без края. Прозрачная, хрустальная, светлая, без верха и низа, земли и неба. Там, где должна была быть линия горизонта, ничего не было. Условные небо и земля сливались и появлялось странное ощущение пребывания в громадной сфере. Она ощутила, что стоит и спиной опирается обо что-то. С трудом развернувшись почти уткнулась носом в дерево. Странно изогнутое, покрытое грубой чёрно-коричневой корой, местами будто притрушенной серым мхом. Кое-где кора разламывалась, и в глубоких разломах, как в рваных ранах, было видно гладкую жёлтую кость – отполированный вечностью ствол.

Цепляясь за неровности коры, Тя повернулась спиной к дереву и сделала шаг – ноги тут же разъехались в стороны, и она пребольно шлёпнулась на полупрозрачную и невероятно скользкую землю. Эта «земля» напоминала толстый слой льда, в который вмёрзли водоросли, ветки и листья, и было совершенно непонятно, поднялись они со дна или нападали сверху, сплетаясь в причудливый узор.

«Ой. Ой-ой-ой, ма-ама! Мамочка! Где я? Что со мной? – сердце на мгновение остановилось, а потом заколотилось неистово. – Кто я?!»

Закричала изо всех сил:

– Кто я?!

Лёгкое эхо ответило:

– Я-я-я-а-а... – А потом она услышала: – Соня-я-я... или зая-я-я...

После этих слов раздался скрип, хруст, и потянуло запахом молотых кофейных зёрен.

Волосы от ужаса встали дыбом:

– Ты же эхо... Эхо не может говорить самостоятельно.

Откуда-то сверху посыпалась мелкая коричневая крупка. «Это ещё что за...», – Тия оттолкнулась от шершавого ствола рукой – ускорения хватило, и пару метров она проехала по поверхности. Остановилась, подняла голову. На толстой нижней ветви сидел ворон, нахохленный и мрачный. Перед ним стояла квадратная деревянная мельничка с медной ручкой сверху. Ворон придерживал мельничку крыльями, а клювом кругами крутил ручку.

– Ты – мельник?

– Тьфу! – ворон оторвался от ручки. – Какой я мельник...

– Такой, странный. С мельницей... – тут же подумала: «А почему странный? У мельника должна быть мельница. У этого, правда, кофемолка, но по сути-то мельница».

– ...Говорят тебе: я – ворон. Ворон! А не ме-е-ельник, – оперным речитативом пропела птица неожиданно глубоким inferнальным басом.

– Ты ещё и поёшь, – Тия подавила нервный смех.

– Темнота! – Ворон раздраженно спихнул мельничку с ветки, и та растаяла, растворилась в воздухе. – Я тут, понимаешь, Шалыпина из себя изображаю. Тебя, дурёху, успокаиваю, можно сказать.

– К-какого Шалыпина?!

– Обыкновенного. Баса. – Ворон почти по-человечьи почесал лапой под крепким клювом. Совсем как сосед дядя Кеша наутро после попойки. – Всё с тобой понятно. В оперу не ходишь. Как есть – темнота. Надо было рэпчик почитать. Ладно, попробуем иначе. Мороженку будешь? – Из воздуха материализовалась вазочка с тремя шариками шоколадного мороженого. – Или ты фруктовое предпочитаешь? – Шарик поменял цвет, стал розовым. Сверху на них шлёпнулась большущая красная ягода. Сладко и нежно пахло клубникой.

– А ложечку?

Клубника благоухала, и рот непроизвольно наполнился слюной.

– Ай, молодец! – восхищённо хлопнул по бокам крыльями Ворон. В вазочке появилась серебряная ложка. – Ты давай, давай, заедай стресс. И спрашивай по ходу, если что.

– Где я?

Холодное мороженое успокаивало, если, конечно, мороженое может успокоить. Она облизнула ложку.

– Где, где... – Ворон возмущённо фыркнул. – Я бы тебе ответил: в Караганде! Но это грубо, и мы не в Караганде. А если по правде: нигде. Смотри-ка, тоже в рифму попал: где – ни-где!

– Как это – нигде?

– Так. “Нигде” это место, в котором “где” не существует. Оно безлико, безымянно. Безумно, если хочешь. Плод воображения. Абстракция.

– Матрица, что ли? – Тия наморщила лоб, пытаясь поймать ускользающую мысль. – А вместо пилюль – мороженое.

– Вот она, современная молодёжь. В театр калачом не заманишь, книжку почитать – не допросишься. А кино – пожалуйста, на любой каприз, – Ворон картинно закатил глаза. – Какие пилюли, девочка? Освободи свой разум и жуй десерт.

В вазочке появились новые шарик, на сей раз бананово-ванильные. Ворон перебрался на тонкий конец ветки, закачался как на качелях вверх-вниз.

– Вот что ты видишь?

Где-то там, где должен был быть горизонт, появилась тень дерева, потом огромное полупрозрачное колесо. Оно стремительно завертелось вокруг собственной оси, превратилось в шар и покатило вокруг призрачного де-

рева. Шар увеличивался и увеличивался, и, наконец, поглотил и ствол, и ветви. И всё исчезло. Ничего не осталось в прозрачно-белой тишине, кроме Ти, чёрной, взъерошенной птицы, и...

– Дерево, тебя, – и вдруг на неё будто снизошло озарение. Ложечка выпала из пальцев, звякнула о ледяную землю. – Неужели это Иггдрасиль, а ты один из двух воронов Одина?! А который – Мысль или Память?

Ворон неистово закаркал, и Тия не сразу поняла, что он хохочет, просто-таки закатывается от смеха.

Наконец успокоившись, ворон спросил:

– Почему сразу Иггдрасиль? Дерево оно и есть дерево, даже если это Древо жизни или Древо познания добра и зла. Кто-то когда-то здесь побывал, кому-то проболтался, и пошла писать губерния, напридумывали люди мифов да сказочек разных. Чтоб себя показать да поступки свои оправдать. – Ворон слетел с ветки, клюнул мороженое. – Скучно. Пошёл я. – И на разъезжающихся лапах потопал прочь.

– Стой! А как же я?! Скажи – кто я?!

– Понятия не имею, – не оборачиваясь, буркнул Ворон.

Она испугалась, что сейчас это единственное кроме неё живое существо исчезнет, и она останется одна. Совсем одна. Под странным деревом.

– Зачем я здесь?

Ворон остановился, развернулся. Склонил голову набок:

– А вот это уже правильный вопрос».

Даша оторвалась от текста, взглянула на подругу. Та подняла к плечу сжатый кулак. И в звенящей тишине раздался вкрадчивый, высокомерный голос:

– А что дальше?

Глава третья

Очередь в буфет казалась нескончаемой. Даше повезло – её втянула в середину знакомая-однокурсница: «Давай ко мне. Может, здесь повезёт, а то в столовке сегодня трубу прорвало. Закрыли наглухо. На улицу в чебуречную не успеем». Шансов добраться до прилавка было ничтожно мало. Оголодавшие студенты выкрикивали: «два коржика и два чая», «пирожки с капустой», «три хот-дога» и совали буфетчице деньги. Буфетчица Светочка в белоснежном фартуке и высоком накрахмаленном колпаке, сама похожая на сдобную булочку, быстро выхватывала из леса рук деньги, сыпала мелочь в кассу, щипцами кидала на тарелки пиццу, пончики и самсу. Тарелки тут же бесследно пропадали в студенческой массе, а руки тянулись к Свете снова и снова. Голоса страждущих были на разные лады: «коржика, два коржика!», «сосиску, умру без сосиски», «ватрушки дайте, ватрушки!»! Даша чуть ослабила натиск к прилавку, и её тут же выкинуло из очереди.

Она стояла, растерянно оглядывая столики, за которыми счастливицы пировали над тарелками с добычей. Однокурсница куда-то исчезла. «Как назло, никого не знаю. А можно было бы к кому-нибудь подсесть и урвать хотя бы половину пирожка». Вдруг сквозь гомон она различила знакомый голос. В буфет вливался Заруцкий в компании ярко одетых девушек, похожих на стайку разноцветных рыбок. Его глубокий речитатив сразу заполнил пространство:

– Твои ангелы внутри тебя не справились, на свободу отпусти свои желания. Ведь я любимец твоих дьяволов, твоих дьяволов, твоих дьяволов, и мы играем не по правилам, не по правилам, не по правилам.

Девушки подпевали и хихикали, а Заруцкий ступал как именинник: лучащийся, неотразимый, уверенный в себе и в том, что его персона осчастливит каждого в этом пространстве.

Даша подобралась, проследила взглядом за группой: «Вот как сейчас главари поступит? Это сборище пирожкоедов его разорвёт, и никакая харизма не поможет».

Игорь окинул взглядом толпящихся студентов, оценил ситуацию. Довольно потёр руки и двинулся напрямик к буфетчице, запев мягким бархатым баритоном что-то совсем из другого репертуара: «Очарована, околдована, с ветром в поле когда-то повенчана...» Студенты, тянувшие руки к продащице, начали оглядываться. Певец воспользовался заминкой и протиснулся дальше, стайка девушек устремилась следом. «Вся ты словно в оковы закована – Светочка Павловна, спасите голодного студента – Драгоценная ты моя женщина». Даша видела, как он, небрежно откинув прядь волос, галантно склонился к прилавку.

– Игорёк! – высокий голос Светочки зазвенел колокольчиком. – Золотойтоймой!

Через секунду «золотой» вынес из толпы большую миску с печёными пирожками.

– Забрал всё, – смеясь, наклонился к блондинке, заботливо поддерживающей его под руку.

– О, писательница стоит, – воскликнул Заруцкий, проходя мимо Даши. – Голодная небось? Держи! – и Даша подхватила тёплый гладкий пирожок с картошкой.

Секунды две она стояла, опешив, ничего не понимая.

– Подожди, постой, – кинулась было за парочкой, – спасибо, но давай я заплачу!

Игорь, царственно благословляя, отмахнулся свободной рукой, мол, «не надо, дорогая, питайся на здоровье».

Блондинка оторвалась от своего кумира, подскочила к Даше, прошипела:

– Ты, мелкота, должна будешь! – смерив счастливицу полным ненависти взглядом, крутнулась на каблучках и вернулась к предводителю.

«Да кто ты такая, крыса-подлипала», – про себя огрызнулась Даша, но вслух ничего сказать не рискнула.

– Спасибо большое, Игорь! – крикнула она в сторону столика, за которым рассаживалась большая компания. Нежданный покровитель не услышал. Дирижируя пирожком, пел: «И слезами, и стихотвореньями обожгу тебя добрую, милую...», а млеющая Светочка Павловна несла Заруцкому его стайке на широком подносестаканы с чаем да кофе.

По пути в лекционный зал Даша откусила от пирожка, жевала, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. «Так значит, он меня запомнил, там, в Пегасе, когда я читала!» Ноги несли вперёд, она завернула недоеденный пирожок в салфетку и опустила в сумку. «Потом доем, совсем опоздала, наверное!» – влетела в аудиторию и с облегчением увидела, что лекторша за кафедрой только достала бумаги.

Столы, за которыми уже расположились студенты, поднимались амфитеатром вверх. «Поточная лекция для всех первокурсников истфака, и как всегда, первые ряды заняты». Она пробралась повыше, села в сторонке, чтобы никто не мешал.

«Какой он всё-таки необыкновенный. Невероятный. Как первая бабочка тёплым февральским днём... И у него такие глаза, такие глаза! Я ныряю в них с головой и пропадаю. А голос! Переворачивает всё внутри. Как в нем всё

это умещается – и рэп, и прочая мишура, и Заболоцкий? Понятно, почему за ним все девчонки бегают, с любой общую песню найдёт». Даша заворожённо смотрела в пустоту перед собой.

«Вот бы увидеться с Игорем наедине. Попить кофе, поговорить. Только он и я. Но это невозможно, с ним постоянно кто-то ещё, и эта злобная блондинка, и шатенка с вечно покрашенными кроваво-красными губами, и две брюнеточки-близняшки. Бр-р-р», – по спине побежали мурашки.

«Поразительный, потрясающий человек. Очаровывает всех, к кому приближается... Интересно, почему он приходил в литстудию? Неужели тоже пишет?» – Даша провела кончиками пальцев по столу. Поверхность оказалась гладкой и прохладной, и на какой-то момент девушка забыла, где она и что здесь делает, пока в кармане не завибрировал мобильник.

«Как тебе "Сёстры Корвинские"? Я к тому, что Корвин – на латыни ворон, а окончание -ский для звучности», – высветилось на экране.

Даша долго смотрела в телефон, не понимая, о чём спрашивает Рона.

Наконец отстучала в ответ: «по аналогии с братьями Стругацкими? Мне нра...»

«Ну да, не называться же нам сестрами Гонкур».

В ответ пальцы набили череду хохочущих смайликов.

Тут же хохотом взорвалась и студенческая аудитория. «Ну что там опять происходит?» – Даша недовольно оторвалась от телефона.

– Как-как? – задыхаясь от смеха, спросил один из студентов.

– Чьих будет? Из какой такой секты?

– Почему из секты? Просто название такое, – невозмутимо отозвалась преподавательница.

Аудитория грянула новыми раскатами.

– Картина Рафаэля, шестнадцатый век? – продолжал допытываться студент.

– Ну конечно, это она, Сектантская мадонна! – обрubiла лекторша.

Народ в зале хрюкал, стонал и кашлял, изнемогая от нового приступа. До Даши наконец дошло, и она тоже засмеялась.

– Итак, двигаемся дальше, – как ни в чем не бывалораздалось с кафедры. – Ренессансная эстетика сужает понятие красоты до характеристики визуального восприятия, однако, помимо внешней красоты, ценит и внутреннее содержание, целесообразность...

Смешки постепенно стихли, и под заунывный бубнёж первокурсники опять погрузились в сон.

«Сектантская мадонна – это хорошо. Сектантский художник пишет сектантскую картину. Да это просто гениально! Хоть бросай Тию с вороном и рассказ пиши. Надо будет Ронке рассказать», – Даша, чтобы не забыть, набросала пару строк в ежедневник.

Лекторша читала «по бумажке» про эстетику Ренессанса, и Даша вслушивалась в гладко текущую речь, ухватывая фамилии художников и даты... Азарт охватил её. «Вдруг тётка ещё какую-то пенку выдаст, вдобавок к Мадонне?» Потом поймала себя на том, что засыпает под мерный речитатив. На задних рядах студенты давно дремали. Кто-то, не стесняясь, растянулся всем телом на столе, кто-то уткнулся лбом в кулак, поддерживая тяжёлую голову. «Галёрка расслабляет, – расстроилась Даша, – в следующий раз надо вперёд садиться». Она вытянула шею и увидела, как мерно строчат лекцию девочки-отличницы, занявшие первые ряды.

«Вот бы позади этой тётки сейчас картины мелькали... Вот вам Рафаэль, вот Леонардо да Винчи. Никто не заснул бы», – Даша полезла в телефон по-

смотреть мастеров Ренессанса, но слушать лекцию и одновременно искать художников было неудобно и скучно.

«Что же это такое, – Даша вздохнула, – в Литклубе спим, на лекциях спим. А жизнь проходит!»

Она набрала сообщение Роне: «А вы что делаете? Тоже спите?»

Ответа не было долго. Лектор уже успела перебраться с периода Ренессанса на эпоху Просвещения, и лекция подходила к концу, когда Даша получила ответ: «Не могу сейчас, у нас вышка, пашем...», и тут же следом новое: «Встретимся после пар, у входа».

Рона ждала Дашу в вестибюле, у высокого стрельчатого окна. Ей не терпелось на улицу, на свободу, к свежему воздуху и бодрящей прогулке. Игорь подошёл неожиданно.

– Кого-то ждёшь, красавица?

Вместо ответа Рона неприязненно оглядела его с головы до ног. Романтически взлохмаченные длинные пряди, чёрная футболка, мешковатые джинсы, большие часы на запястье, татуировка на предплечье. Томный взгляд, приоткрытые губы. Потом перевела взгляд на компанию, стоящую в стороне. «Надо же, ждут так напряжённо и терпеливо. Кого они мне напоминают? Ах да, Дашкину собачку у магазина».

– И что сегодня на уме у писательницы? – продолжил Игорь, но градус самодовольства в голосе снизился.

Когда Даша выбежала в вестибюль, она увидела, как её раздосадованный кумир отходит от Роны и удаляется к своим блондинкам-шатенкам.

– Чего это он вокруг тебя вертолётит? – Даша недоуменно проследила взглядом за Игорем.

– Не знаю, – пожала плечами подруга.

– Давай, сестрёнка, действуй, он такой обалденный! – Даша постаралась подавить вспыхнувшую зависть.

– Какой-то он неправильный, будто из разных людей склеенный, – Рона погладила пальцами кулон на груди. – Вот и камень говорит – ненастоящий. И такой якобы мачо-мачо, аж тошнит.

– Ты что, феминистка, что ли? – опешила Даша. «Господи, неужели я вижу перед собой человека, неподвластного чарам Игоря?»

– Феминисткане феминистка, но ещё раз ко мне сунется – разберу на составные части.

Игорь обернулся, не было сомнений – услышал. Посмотрел на Рону долгим нехорошим взглядом и выдал несколько слов. Даша прочитала всё по губам. Её затрясло, она обняла подругу за плечи и повела на улицу.

– Не переживай, дорогая, – высвободилась Рона, – и не с такими справлялись. Всего лишь какой-то тубик вазелина, вообразивший о себе невесту что.

– А как ты с камнем разговариваешь? Нет, если не хочешь, можешь не отвечать, конечно.

– Дашк, давай потом. Я тебе обязательно расскажу как-нибудь и покажу, только не сейчас.

Осенние листья, тусклым ковром засыпавшие улицу, шуршали под ногами. «Вот дубовые – они похожи на верблюдинок, но только вместо двух – у каждого по три горбика по обе стороны. Вот жёлтые треугольники тополей. Завитушки карагачевых листьев. Осыпавшиеся звёзды клёна. И вся эта геометрия ушедшего лета у меня под ногами. Ключевое слово – ушедшего. Была ли я счастлива этим летом? – вздохнула Рона. – Не знаю. Но сейчас поздняя осень, и рядом идёт Дашка, и значит, всё образуется!»

«Как же так? Рона такая отстранённая сегодня. А Игорь, оказывается, умеет быть злым и неприятным. Угроздило меня между двух огней очутиться. Вот поди разберись, почему они друг другу не понравились. Игорь, конечно, офигенный, но Рона – моя сестра по духу, и мы пишем повесть».

Даша взяла подругу под руку.

– А что ты будешь делать, если я вдруг исчезну? – откликнулась Рона.

– Подожди, – замедлила шаг Даша. – Куда ты исчезнешь?

– Да нет, я так. Не обращай внимания, в общем.

– Ронка. Ты меня не пугай. Не пугай и не путай, хорошо?

Рона молча потянула подругу вперёд.

– Так... Мы пишем дальше или ты исчезаешь? – возмутилась Даша и упрямо остановилась.

– Чтобы ни случилось, пишем дальше!

– Да ну тебя. Вся такая загадочная сегодня, – обиделась Даша. – Ничего толком не говоришь, только голову морочишь.

– Прости. Мне дорога наша дружба. Мне невероятно важна наша повесть, – Рона теребила пуговицу на пальто. – Но есть обстоятельства, про которые я не могу тебе рассказать. Пока.

– Хорошо, – растаяла Даша. – Пообещай мне, что расскажешь, как только сможешь.

– Замётано, – кивнула Рона. – Ну, сестрёнка, у меня есть несколько задумок, надо бы обсудить.

– Зайдём? – Даша кивнула на небольшую кофейню.

– Самое время и место! – поддержала Рона.

В кофейне всё напоминало о недавнем Хэллоуине. Тыквы улыбались беззубыми ртами, дрожали огоньки свечей на столиках, а под потолком висели оранжевые и чёрные шары. Подруги выбрали место в уголке, плюхнулись в удобные кресла и достали ноутбуки.

И началась магия. По-другому Даша не могла назвать происходящее. Страницы покрывались строками, идеи и замыслы носились в воздухе, новые миры и пространства появлялись и исчезали. «А если так?» – говорила Рона. Даша, затаив дыхание, вслушивалась в размышления подруги. «Да, смотри, но...» – отвечала она, и Рона понимала её с полуслова. «Тогда зайдём с другой стороны», – и Даша тихо пицала от восторга, когда подруга легко выражала словами все её ощущения и интуитивные прозрения, которые, как казалось Даше, словесному воплощению не поддавались.

Когда основные персонажи повести и конфликты были определены и расписаны, Даша достала недоеденный пирожок.

– Это мне сегодня Иг., – запнулась она, – вот, достала на перемене в буфете, только куснуть успела, как лекция началась.

– Ты чего икаешь? Ну, доедай, доедай, – милостиво разрешила Рона.

– Давай пополам?

– Я не голодна. Наелась сюжетом и характерами героев, – рассмеялась подруга.

– Сюжетом сыт не будешь, – поделила пирожок Даша. «Эх, знала бы ты, что он от "мачо", ни за что бы не прикоснулась». – Давай, сестрёнка, как и повесть – пополам!

Они дружно жевали, пили кофе и смотрели в окно, на летящие листья.

«Геометрия – тоже неплохо. Точная наука. А с точными науками можно иметь дело», – Рона убрала ноут в сумку, на секунду ласково прижав его к себе.

Глава четвёртая

К очередному заседанию литклуба соавторы решили выдать новую главу и представить её «почтенной публике». Они работали несколько дней, процесс притирания мыслей и стилей давался трудно. Но в конце концов подруги поймали волну, и текст запел. Слова сами ложились на бумагу или выстукивались на клавиатуре компьютера. История получалась.

В ночь перед собранием «Пера Пегаса» в рукописи была поставлена точка. Даже на расстоянии они почувствовали счастье друг друга.

- Мы сделали это!
- Покажем сегодня?
- Покажем!

Даша немного задержалась – распечатывала текст. Карлыч требовал читать написанное с листа, а не с экрана «электронного носителя». Утверждал, что бумага дисциплинирует автора, да и текст оживает. Потом шурился подслеповато, застенчиво добавлял: «И видно лучше». Когда она, извинившись, заняла место рядом с Роней, поняла – что-то случилось. В кабинете висело странное, непонятное Даше напряжение. Жердь сидела красная, перед ней были разбросаны листочки, а Донкихот с приятелем едва сдерживали смех. Остальная «почтенная публика» вяло перешёптывалась. Карлыч же вещал о плюсах и минусах авторского перевода.

– Что случилось? – одними губами спросила Даша. – Карл у Клары кораллы украл?

– А! Жердина – до неё, как до жирафа доходит – «Ворона» перевела, – Рона схватила за голову. – Только там теперь главный герой не ворон, а ворона!

Даша прыснула и тут же зажала рот ладонью, но Карлыч услышал:

– И что у нас там такого весёлого? Может, тогда вы нам что-либо отчитать свеженького изволите?

– Изволим, – Рона легко встала. – Руستم Арнольдович, сегодня я почиताю. У Даши горло болит.

А подруга еле сдерживала смех.

– Да мне всё равно, кто из вас читать будет. Это продолжение про заплутавшую невесту где девушку, я правильно понимаю?

– Совершенно верно, Руستم Арнольдович. Можно отсюда или...

– Нет-нет, прошу, – Карлыч указал на место рядом со своим столом.

Рона вытянула листки из файла.

#

«– Ты правильно спросила: зачем. До тебя тут знаешь сколько народу перебивало, – Ворон задрал клюв кверху, вытянулся, истончился, – считать – не пересчитать. И никто, слышишь, никто, ни разу не спросил “зачем”. “Кто я?” – пожалуйста, каждый голосил. “Как выбраться отсюда?” – тоже каждый. Не второй, первый.

Тя даже ахнула: “Помогал, как есть, помогал всем”:

– И-и?

– Что “и”? Десятая буква алфавита.

– Не будь таким злоюкой, – Тя ласково погладила воздух, будто гладила спину ворона. – Ты всем помог вернуться обратно?

Ворон топнул когтистой лапой, поскользнулся, едва удержал равновесие:

– Без рук! Даже на расстоянии. С какого такого удовольствия я должен кому-то помогать? Они хотят выбраться, я им показываю – как. А куда после

этого попадают, не моя забота. – Он оттолкнулся лапой от земли и заскользил по поверхности вокруг дерева, хрипло напевая: “Довлеет дневи злоба его”.

“Злоба, злоба. Какая злоба...”, и вдруг неожиданно для себя выкрикнула:

– Каждому дню достанет своих забот!

Ворон обогнул дерево, как заправский фигурист, заложил крутой вираж вокруг девушки и завершил движение лихим пируэтом.

– Пароль засчитан. Молодец!

Тия мысленно взывала: “Что за пароль, что вообще всё это значит?! Испытание? Но у меня есть задача, и решить её надо. Иначе я навсегда сгину здесь или где-то там, где пропадают все попавшие сюда. И если это безымянная смерть, то я не хочу такой смерти”.

Ворон подобрался поближе:

– Вообще-то это не совсем смерть. Но ты права – раствориться Никем в Нигде как-то несерьёзно... глупо.

– Ты и мысли читаешь?! – Тия схватилась за виски: “Тут и шапочка из фольги не поможет”.

Ворон развёл крылья, мол, каюсь, грешен, но не виноват.

– И что мне теперь делать? Поможешь?

– А куда мне деваться? – Ворон вздохнул и картинно прикрыл голову крылом. – Проводник он и есть проводник.

“Ну, актер, – Тия чихнула, – холодно, однако”.

– Поживи с моё, не так заактёрствуешь, – тут же огрызнулся Ворон. Каркнул дважды: под деревом материализовались два кресла, термос, чашка с отбитой ручкой и тарелка с арахисом. На ободке тарелки синела полустертая надпись “Общепит”. – Перебирайся. Побеседуем с удобствами.

– Итак, – продолжил Ворон, когда они расположились в глубоких, мягких креслах и Тия отхлебнула из чашки горячий, душистый напиток, – давай разложим ситуацию на три части. Или нет – элемента. Или лучше – задачи. Задача первая – кто ты. Пока не важно. Думаю, она вытекает из второй. Вторая – почему ты здесь. Мыслю, чтобы узнать, кто ты есть, и решить какие-то твои личные глубинные проблемы. Подсознание твоё о них знает, а ты пока точно сформулировать не можешь. И, наконец, третья задача – найти кого-то или что-то, кто/что поможет тебе в решении второй и, следовательно, первой задач.

У Тии голова пошла кругом:

– Как-то всё это расплывчато...

– Можешь предложить лучшее? Предлагай.

Ворон подцепил кончиком крыла орешек из тарелки, подбросил в воздух, поймал широко раскрытым клювом.

– Так что делать?

– Опять правильный вопрос. – Он подкинул ещё один орех, не поймал, досадливо щёлкнул клювом. – Давай в математику поиграем. Смотри: линия, по краям точки “А” и “Б”. Ты сейчас в “А”, тебе надо пройти в точку “Б”, чтобы найти того, кто поможет решить задачи Один и Два, в то же время являясь задачей номер Три. Ферштеен?

– Яволь, монжернераль! – выпалила Тия автоматически.

– Да ты ж моя золотая! – Ворон от карканья-хохота выпал из кресла. Поднялся, смахнул выступившие слезинки. – Раз ты согласна, приступим к практическому исполнению. Пойдём?

Тия поставила чашку на землю:

– Куда?

– Туда. – Распахнул крылья, пытаюсь обхватить весь видимый мир. – Не знаю куда. Искать то, не знаю что.

– А ты со мной?

– Ну сколько можно повторять... Ты себе не представляешь, как я устал: только одного проводишь, тут же другой нарисовывается. И так каждый, – задумался, – день, год, вечность? И никто, никто! – не возвращается. Я тебя доведу до нужного места, а там ты сама. Если надо, команду соберёшь. По ходу разберёшься.

Они обошли дерево по кругу.

– Ну вот, мы на месте.

“Стоило огород городить” – Тия скривилась.

Ворон ткнул крепким клювом в воздух и разодрал его как старый холст.

– Прошу, заглядывай.

Тия с опаской заглянула в прореху. Там не было ничего. Только темнота. Густая и плотная как гуталин.

– Но там ничего нет.

– Правильно, – ответил Ворон. – Это твоё личное Запределье. Tabularasa, если хочешь. Что сконструируешь, то и получишь. И ещё, помни – “Уруборок”. Но я тебе ничего не говорил... Просто ты мне симпатична.

Из прорехи внезапно высунулась тонкая мохнатая лапка, шлёпнула Ворона по клюву и так же стремительно исчезла.

– Ну почему я?! Почему всегда я?!

– Тебе водить! – раздался писклявый голос, перешедший в тонкий, с подвыванием, смехок. – Держите посылочку.

Из разорванного “холста бытия” вывалилось нечто тёмное, большое, похожее на грязный, туго набитый мешок. И тут же прореха исчезла, будто и не было её никогда.

– Что это? – Тия опасливо попятилась, поскользнулась: упала на четвереньки.

– Это я у тебя должен спросить – что это? Из твоего подсознания вывалилось! И, ты, это, вставай давай. Живее! – шёпотом прикрикнул Ворон. Перья на макушке встали дыбом, и он стал похож на какаду. – Есть нехорошее предчувствие, что сейчас бежать придётся.

– Как, куда?!

– Неважно куда, главное – быстро!

“Мешок” зашевелился и пополз – такой огромный коричневый опарыш. Только полз он недолго – уткнулся в дерево. Повозился на месте, замер, очевидно, понял, что впереди непреодолимое препятствие. И Тия едва сдержала вопль ужаса – из “мешка”, слева, вытянулась огромная лапища, начала ощупывать ствол. Тут же с правой стороны вытянулась вторая лапа и зацепилась за нижнюю ветку. Так, цепляясь за ствол и ветки, “мешок” принял вертикальное положение, и стало понятно, что это какое-то человекообразное создание, обряженное в рубище из рогожи. Создание обернулось.

– Чур меня, чур, – зашептал Ворон.

Громадное тело, гигантские босые ступни в неожиданно кокетливых плетеных сандалиях, обнажённые по плечи, могучие волосатые руки, большущий горб на спине. А лицо... если это можно назвать лицом: панцирь большой черепахи. Кривой нос, малюсенькие глазки, приплюснутые, вялые, как капустные листья, уши.

Чудище протянуло к Тие лапищи и проревело громким и низким, как парходный гудок, басом:

– Ку-ушать хочется...

Ворон и Тия заорали в один голос: истеричный вопль и судорожное карканье слились. Ворон выхватил из воздуха миску с пирожками и как заправский ниндзя метнул в чудище. Миска попала точно в лоб, отлетела в сторону, а пирожки дождём осыпали колоссальное тело. От удара нежное слоёное тесто лопнуло, и пирожки разлетелись на кусочки. “С картошечкой”, – держась за сердце, отстранённо подумала Тия. А чудище собрало в ладонь кусочки, запихало в рот, посопело, почавкало и застенчиво пробасило:

– Вку-усно. Ещё хочу-у...»

#

– Тэк-с, ausgezeichnet, – Карлыч потёр руки. – Превосходно. Понравилось, не понравилось. Хорошо-плохо. По-че-му? Что вы поняли и что хотел сказать автор, – поправился, – авторы... э-э, авторши или авторки? С этими феминитивами... Ну-с, кто начнёт? Может, вы?

– А что сразу я? – проворчал Донкихот. – Я, может, послушать хочу, что другие скажут. И так всегда первый на амбразуру.

– А чем это вам, Рустем Арнольдович, феминитивы не нравятся? – неожиданно и не по теме пошла в атаку Жердь. – Вы что, против полного равноправия женщин?! Может, вам и женщины не нравятся?!

Карлыч позеленел, скривился, будто у него под носом тухлое яйцо разбили. Потряс указательным пальцем в воздухе и замычал:

– Ты, это... вы... не заговаривайся... тесь тут. Здесь не семинар филологический. И не Лига защиты прав и свобод гендерных. Здесь литературный клуб! И обсуждаем мы тексты, а не ваши заморочки! А кому не нравится, – треснул кулаком по столу, – дорога скатертью!

Литклубовцы захихикали. Жердь вскочила, собрала рассыпанные по столу листочки, скомкала, запихала в сумку, вылетела из кабинета. Дверью хлопнула так, что от ударной волны с подоконника свалился свёрнутый рулоном плакат.

Только Карлыч успел пригласить встрёпанную шевелюру, как дверь открылась. Показалось красное, злое лицо, и трясущиеся губы выпалили:

– Сами вы тут... пегасы недоделанные. И клуб у вас дурацкий. И тексты – дурацкие. – Ткнула кулаком в сторону Даши: – И самый вам псевдоним не сёстры Корвинские, а сёстры Дурацкие. И я на вас на всех в деканат!.. В ректорат! М-министру!!! По соцсетям размажу!

Дверь хрястнула, а Карлыч неожиданно захохотал:

– Эк разобрало. Видали мы таких жалобщиков! Продолжим, пегасовцы?

– Продолжим, – нестройно зашумели студенты, а Донкихот даже изобразил конское ржание.

Неожиданно заговорили все разом – кому-то нравился текст, кому-то нет. Даша и Рона отбивались от наскоков и в общем шуме совсем забыли о преподавателе. А Карлыч слушал внимательно, блестел очками, переводя взгляд с одного спорщика на другого, потом вдруг похлопал в ладоши, привлекая внимание и прекращая ни к чему не ведущую дискуссию.

– А по существу? – Все затихли. – Я спрашиваю «понравилось-не понравилось» не потому, что текст шоколадка какая-то – слопал, и вкусно, или невкусно. Почему понравилось или не понравилось? Какие эмоции вызвал текст, какие мысли разбудил. То, о чём вы спорите, вторично. По законам жанра герой обязательно выкрутится. О-бя-за-тель-но! Да если автор, проводя героя через кучу опасностей, в конце его порешит... Как он, автор, читателям в глаза смотреть будет?! Это же обман! Понимаете? Dasistklar?

Даша с Роной переглянулись, и Рона легонько пожала плечами, мол, кто его знает, что Карлыч выкинет. А он спросил:

– Кто может мне сказать, что такое «Tabularasa»?

– Чистый лист! – тут же выпалил Донкихот.

– Чистая доска, – поправил кто-то из филологов.

Карлыч снял очки, подышал на стёкла, протёр краем свитера, водрузил на нос и снисходительно оглядел аудиторию.

– Вот, вы говорите о буквальном переводе. А если копнуть глубже? – гробовое молчание было ему ответом. – Не волнуйтесь, мы не будем беседовать о теории познания, социологии и психоанализе. Хотя и Аристотель, и Авиценна, говоря о том, что объём человеческих знаний создаётся из опыта и чувственного восприятия внешнего мира, а не даётся при рождении, были правы. Ну, Фрейда мы опустим... – потёр лоб и внезапно перешёл на немецкий.

– Рустем Арнольдович, философия, конечно, царица наук, но нельзя же так, – раздался в тишине тихий отчётливый шёпот.

Карлыч споткнулся на полуслове, справился с собой:

– Гм, да, вернёмся к тексту. Авторы, э-э, девушки предоставили себе, да и нам, читателям, чудесную лазейку. Возможность реконструкции чего угодно и как угодно. В этом тексте они могут выступить в роли демиургов, – задумался на мгновение, – да, демиургов. И я им завидую.

Литклубовцы расходились неохотно, продолжали спорить на улице. При чем о «писательницах» как-то все забыли. Каждый говорил о своём и доказывал своё, важное и нужное. Донкихот и его верный молчаливый друг взяли Карлыча в клещи и куда-то повлекли. «Как муравьи добычу», – Даша зябко поёжилась.

– Ты что застыла? – Рона потянула подругу за собой. – Автобус уйдёт, а следующего час ждать. И дождь опять собирается.

Подруги торопливо зашагали к остановке.

С дерева, неразличимый в темноте, им вслед дважды каркнул ворон.

Глава пятая

Даша спешила – семинар маячил на горизонте грозовой тучей. Этнография давалась нелегко: эволюционисты и конструктивисты, кросс-культурные методы и хозяйственно-культурные типы – голова шла кругом, и было только одно желание сейчас – всё бросить и забыть. О том, что случится «потом», думать не хотелось.

– Боюсь даже заговорить, чтоб не спугнуть столь великолепное виденье! – От неожиданности Даша вздрогнула, подняла глаза и почувствовала, как запылали щёки: Заруцкий собственной персоной. И свита-стайка в трёх шагах. Девицы сверлили неприязненными взглядами, перешёптывались – их божество обратило внимание на мелкую первокурсницу. Она же смотрела на них, как кролик на семейство удавов, и чувствовала, что подкашиваются ноги. – Ты что такая грустная, улыбнись, тебе это идёт! – И неожиданно легонько подергал её за кисточку на шапке: – Буратинка!

Сама того не ожидая, девушка улыбнулась. Ей стало хорошо и спокойно.

– Ты куда, учиться-заниматься? – Даша кивнула. – Да брось, день чудесный. – Игорь обернулся к свите. – Пупсики, посидите в кофейне. – Передал блондинке общую тетрадь: – Зюмочка, солнышко, мы же с тобой на завтра рефератик готовим. Ты пока в сети пошарь, цитаткинезаюзаннные подбери. А я попозже подойду. – Склонил голову к плечу, обласкал «буратинку» взглядом: – Ну, пойдём, погуляем.

Они шли рядом, иногда задевая друг друга рукавами курток. Куртки отзывались вкрадчивым шуршанием. «Как крылья стрекозы над цветком. Или нет, как осыпающиеся под ногой мелкие камушки на склоне. И так тепло для начала ноября...» Дашино сердце замирало. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, разрисовывало асфальт причудливыми узорами и приятно грело спину. Разноцветные деревья в сквере тоже радовались неожиданным солнечным дням. «Такие невозможные, невероятные сочетания цветов и оттенков. Сто оттенков жёлтого, сто оттенков красного, сто оттенков зелёного и ничего, ничего серого». Она засмеялась.

– Ты что? Я что-то смешное сказал? – Игорь обиженно поджал губы.

«Как по-девчачьи...» Даша несмело взяла его под руку. «Парень, а такой... ранимый». Вслух сказала:

– Нет-нет, я просто счастлива. Такой день хороший. И... – она искоса, снизу вверх, взглянула на соседа.

– Что «и»? – самодовольная усмешка скользнула по губам, – договаривай.

Они свернули с аллеи на «голубиную» площадь, где посетители парка обычно кормили голубей. Дети и взрослые покупали пакетики с зерном, высыпали понемногу на асфальт. Сизые птицы набегали стайками и жадно клевали. Казалось, будто асфальт перекачивается волнами с места на место. Бывало, все эти «волны» с треском и шумом взлетали – когда какой-нибудь ошалевший от удовольствия ребёнок с криком бежал, изображая птицу, пытаясь оторваться от земли. Сделав круг, голуби опускались на площадь и продолжали клевать зерно.

Игорь и Даша пробирались между птицами. Те неохотно отступали и смыкались снова. Позванивая колокольцами, по площади проехал красный двухэтажный автобус. Маленькие пассажиры сидели чинно, как взрослые. Голуби торопливо разбегались в стороны. Только один, видно, молодой ещё голубёнок не смог оторваться от еды и немного замешкался. Раздался тихий быстрый хруст, будто сломали сухую ветку. Автобус, не останавливаясь, двигался своей дорогой, а на асфальте остался голубь. Он так и сидел, не трепыхаясь. Только из сломанной шеи у него внезапно брызнула кровь, а потом крылья раскрылись веером, и голубь умер.

– Как...Почему... – Дашане могла сдвинуться с места.

– Да брось ты, – Игорь фыркнул. – Самая никчёмная птица. Грязная иглупая, – он потянул девушку за руку. – Естественный отбор. – И запел Настин любимый Numb, но в русском варианте:

Там, где есть мечта,
Там другая жизнь,
Дотянись сама,
К небу прикоснись.
Помоги понять,
Помоги забыть,
Просто пустотой
Так устал я быть!

Слова Даша разобрать не могла – в голосе Игоря звучал и звучал хруст сломанной ветки. Она всегда предпочитала оригинальный текст всяким перепевкам, но на душе потеплело.

– Вот неженка, – Игорь исчез и скоро вернулся, протянул Даше алую розу: – Держи. Смотри какая – стебель длинный. Самую дорогую у бабки купил. У моей девушки, – посмотрел влажными с поволокой глазами, – всё должно быть самое лучшее.

Даша взяла розу: «Я – его девушка! Может ли такое быть?», с наслаждением вдохнула сладкий запах:

– Мне никто цветы не дарил. – Поправились быстро: – Розы просто так, без повода, не дарили.

– А теперь дарят. Я дарю! – самодовольно ухмыльнулся Игорь. – Кстати, что у вас там было, в литклубе?

– О, такое приключилось! – и Даша рассказала о новой главе, о спорах и лестных словах Карлыча. А потом, неожиданно для самой себя, в лицах разыграла сценку нелепой перепалки Жерди с пегасовцами.

– Да-а? Так эта чучела на вас ещё и наехала? Меня там не было, уж я бы ей всё объяснил. На пальцах. Какая она глупыня. Но «сестры Дурацкие» – это смешно.

Даша вспыхнула.

– Для дураков смешно, – быстро поправился Игорь и перевёл разговор: – А ты знаешь, я тоже пишу. Говорят, здорово.

– Ой, как хорошо! А мне дашь почитать? Мне очень-очень хочется.

Игорь моргнул, в глубине глаз промелькнуло что-то похожее на страх. Или это просто показалось? Но Заруцкий уже справился с собой, откинул со лба прядь волос, кивнул милостиво:

– Ну, ладно, ла-адно. Я тебе сейчас стихи почитаю. А прозу на почту скину – там неоконченный роман. Будешь первой читательницей. Гордись.

Он усадил Дашу на скамейку, не обращая внимания на мамашу, которая, уставясь в телефон, мерно качала коляску. Встал в «поэтическую» позу: скрестил руки на груди, вздёрнул подбородок. «Устремил взор “в даль светлую”» – мелькнула мысль, а Игорь молвил:

«Поэма о любви!»

Я так люблю грозу
И майский полдень. Слышу
Как в бронзовом тазу
Стучат градинки, что упали с крыши.

Свет солнца через облака
Проник в мою постель пустую.
Но я не Байрон и пока
Пью медленно амброзию густую...»

Он читал и читал, наслаждаясь и своими стихами, и своим голосом. Но за громкими строками чувствовалась неуверенность. Какая-то зыбкость, желание выглядеть лучше, значительней и понимание невозможности этого. Мамаша с коляской оторвалась от телефона, с опаской посмотрела на «поэта», поднялась и резво покатила коляску по аллее. Подальше от странной парочки.

После первых двух строф разум отказался вслушиваться в слова. Душа впитывалась нежный, глубокий, бархатный голос, и тело таяло, как мороженое в жаркий день. И где-то глубоко-глубоко пряталась надежда: «наверное, про-за лучше».

Прозвучала последняя строчка. Голос затих. Наваждение медленно рассеивалось. Вернулись солнце, деревья, запахи, звуки. Даша соединила ладони в молитвенном жесте.

Игорь кивнул, принимая восхищение как должное, и совершенно буднично сказал:

– Дай телефончик, что ли. Время будет – позвоню.

#

Даша не могла представить, что за два месяца Рона так вращается в сердце. Ей не хватало спокойной мудрости подруги, Рониного ироничного отношения к себе и окружающим, тихого смеха и совершенно неожиданных бесшабашных выходок.

– Ты совсем безбашенная, что ли? – пыхла Даша, собирая парашют.

Солнечным безветренным утром Рона завезла подругу на аэродром, поговорила с кем-то, и после короткого инструктажа они в небольшой компании спортсменов оказались в самолете. Короткая пробежка по грунтовке, взлёт, набор высоты – внизу цветное лоскутное одеяло земли. АН-2 жужжал, делая круг над аэродромом. «Прыгать совсем не страшно, – Рона толкнула подругу локтем. – Сейчас дверку откроют, а там GoogleMaps. Ты же карты не боишься? – Даша только мотнула головой, изо всех сил сжимая губы, чтобы не завизжать от страха. – Не трусь, сейчас жизнь новыми красками заиграет!»

Замигала красная лампа, голос инструктора скомандовал: «Пошёл! Пошёл!» – «Я не хочу, не хочу!!!» – «Пошёл!» Короткий вскрик, обжигающий ветер и абсолютный ужас – вот и всё, это – конец. Вдруг – за спиной послышался хлопок, раскрывшийся купол бешено рванул тело вверх, и Дашу накрыло дикое, невероятное счастье: «Я жива! Боже мой, я не умерла, я спасена!»

Рона потом, на обратном пути домой, спросила, смеясь:

– Что, не понравилось?

– Понравилось?! – подруга потрясла сжатыми кулаками. – Да я... я почти умерла, понимаешь?! А потом вдруг каким-то чудом воскресла. Летела, и вся Земля принадлежала мне. И моя жизнь – тоже принадлежала только мне! – в сердце невиданным цветком распускалось блаженство.

– Жнец посмотрел на меня и пошёл другой дорогой.

Даша вспомнила, как, приземлившись, она расстегнула ремни и выпуталась из подвески. Пьяная от потрясения, на ватных подгибающихся ногах, помчалась по полю, обнимая и целуя всех, кто только что приземлился.

– Какое это чудо – жизнь! А ты – настоящая экстремалка!

– Подожди, – улыбнулась «экстремалка», – по весне начнем в горы ходить. Попутно работать устроимся, на фриланс. Подзаработаем и летом махнем в Ладакх, или Непал. Хочешь в Непал?

– Непал и горы – волшебны, – зачарованно зажмурилась Даша, – слушай, но как же ты прыгаешь-то с ногой? И длинные переходы, нельзя же, наверное?

– Прыгать хромота не мешает, – отмахнулась подруга. – А в походе главное отдохнуть вовремя.

Они виделись почти каждый день, болтали по телефону, переписывались, и им было мало этих встреч, разговоров и наспех набранных сообщений.

А две недели назад Рона встретила подругу после занятий:

– Помнишь, я говорила, что на некоторое время пропаду? – Даша кивнула. – Ну, вот, пропадаю. Дней на двадцать, может, на месяц.

– Едешь куда?

Рона дёрнула плечом:

– В Питер. В клинику ложусь.

Даша остановилась, взяла её за руку:

– Случилось что?

– Давно уже случилось.

- А что с тобой? Почему не рассказывала?
- А тебе как, с чокнутой дружить нормально?
- Так ты же не чокнутая.

Подруга пожала плечами:

– Да в общем-то нет. Понимаешь, у меня в школе друзей не было. Думала, в универе появятся.

- Ну так появились же, да?

– Появились, – невесело усмехнулась Рона, – приятельницы на первом курсе. А как узнали про диагноз, так сразу по широкой дуге стали обходить. Сама виновата – проболталась одной, она уже дальше растрепала.

- К-какой диагноз?

– И ты туда же... Не буду я всем объяснять, что это не психиатрическое заболевание. Просто после ушиба мозга головные боли страшные, ну и...

- Давно?

- Что давно?

- Болеешь... И как это произошло?

– Мотоциклист сбил. Я шагнула на дорогу, а он по встречке со всей дури мчал. И всё, темнота, потом слышу, кричат: «Не вставай!» Я там пыталась встать... В общем, добрые люди даже скорую вызывать не стали. В джип какой-то мужик занёс и так со мной на руках и сидел. А за рулём который, на сигнал нажал и всю дорогу не отпускал – гудел и гудел, тапок в пол втопил и погнал, где-то по дороге полиция за нами увязалась, сирена выла. Я даже их имен не знаю, а они мне жизнь спасли. Потом не помню. Глаза открываю – всё серое и какие-то тёмные водоросли вокруг. Колышутся. Передают меня друг другу, и я куда-то исчезаю. Не сразу, а постепенно, будто таю... Знаешь, кровь, оказывается, не тёплая. Она очень холодная, когда вытекает, и ты в ней плаваешь. А потом только боль, боль, боль. И совершенно не хочется жить.

Дашу затрясло, накрыло волной ужаса, и она попыталась обнять подругу, сочувствуя и сопереживая. Но Рона сама обняла её, крепко и быстро, потом так же быстро отстранилась:

- Всё нормально, Дашка. Всё нормально.

- А в Питер почему?

– На совсем за границу денег теперь нет, а в Питере клиника нормальная. Голову с нервишками подлечу, попутно ногу будут складывать. Знаешь, когда это случилось, так странно было: и вылечить не могли, и умереть не получалось. Раны не заживали – никакие лекарства не помогали. А голова – вообще, полный отвал башки. Тогда профессорша старая родителям выдала: «Молитесь, ну, или везите в Непал или Тибет», и добавила: «Хуже не будет, а там, как повезёт». Вот этим самым кристаллом меня и лечили в горном храме. – Она прикрыла ладонью висящий на груди кулон. – Потом настоятель мне отдал. Вы, говорит, теперь одно целое. Для тех, кто на той стороне побывал, такой камень лучшая защита. А если увидишь в нём что, не бойся.

Подруги остановились у подъезда:

- Там компьютер нельзя, и телефон тоже только по разрешению. Так что...

– Рона ещё раз обняла Дашу. – Буду через кристалл за тобой присматривать. Не скучай без меня. Всё будет хорошо.

Теперь никого не было рядом, и появилась пустота. Самая настоящая пустота.

###

Реферат по этнографии продвигался туго. Очень туго. И Даше уже захотелось плюнуть на всё, не сдать работу, получить законный неуд, и пусть оно катится лесом.

Телефон завибрировал, зажужжал тихонько. «Ронка? Вроде попрощались уже. Что нового может появиться за пару часов? Да и время, – удивилась про себя, взглянув на экранчик, – за полночь. И номер незнакомый».

– Алё...

И тут же в сладкой судороге замерло сердце. В трубке звучал обволакивающий, долгожданный голос:

– И почему не звоним?

– Я... я, извини, реферат... – Даша покраснела, порадовалась, что никто этого не видит, пролепетала: – Этнография.

– Да понял я, понял. Семинары-коллоквиумы, муть учебная, и прочая, и прочая, и прочая, – хохотнул Игорь.

– Ну, прости. Прости-прости, я хотела позвонить. Боялась только, вдруг помешаю. – Тут до неё дошло: – И у меня твоего телефона нет!

– Пра-авда? – картинно удивился Заруцкий. – Вроде давал. Да я и сам занят. У меня задумки интересные появились.

Даша выдохнула: «Не сердится»:

– Расскажи, расскажи, пожалуйста. Интересно.

– Да-а? Ну ладно, – снизошёл Игорь. – Вообще-то у меня предложение: приглашаю к себе, – выделил голосом «себе», – в соавторы. Ты классно пишешь. Давай теперь вместе.

Глава шестая

Даша бродила из комнаты в комнату, не понимая, где она находится и что делает. Взгляд скользил по стенам, книжным полкам, креслам и дивану, ни на чём не задерживаясь. Быстро и легко билось сердце: «Тогда, в парке, Игорь назвал своей девушкой, а сейчас предложил соавторство!» Она вернулась к себе, распахнула окно и вдохнула свежий ночной воздух. Деревья тёмными огромными птицами спали в сумраке, распушив ветки-перья, тускло горели фонари, слышались звуки проезжающих автомобилей.

Низкие осенние облака затянули небо и светились отражённым неоновым светом города, лежащего у подножья гор. Ярким пятном сквозь облака пробивался молодой месяц.

Она засмеялась и выдохнула в сырую темноту улицы облачко пара: «Как холодно и как хорошо!» Откуда-то доносились звуки музыки: «Youaretoogoodtobetrue, can'ttakemyeyesofyou», нежно выводил мужской голос. Казалось, тихое счастье разлито в пространстве: «Сейчас бы на улицу, и долго-долго бродить по ночному городу. Но как же морозно, всё-таки». Даша захлопнула окно, забралась на подоконник с ногами, как в детстве, прижалась к холодному стеклу лбом. «Игорь предложил писать вместе!» Зажмурилась: «И мы будем видаться вдвоём – часто-часто, гулять и разговаривать-разговаривать!» Протерла экран телефона, чтобы полюбоваться на недавнее селфи, сделанное в парке: она нюхает красную розу на длинном стебле, а Игорь смотрит прямо в камеру.

Капризный изгиб губ, прядь волос, небрежно упавшая на бровь, томный обволакивающий взгляд. «Can'ttakemyeyesofyou», – пропела Даша и, подышав на стекло, нарисовала сердечко, рядом ещё одно. «Какой же он необыкновенный! И какая хорошая идея – писать вместе!»

«А повесть с Ронкой? – она обеспокоенно побарабанила пальцами по подоконнику. – Не обидится ли подруга, когда узнает, что я пишу ещё с кем-то? Ведь наш текст не закончен. Тия где-то бродит в тумане Запределья, и мне невероятно важно знать, куда её выведет Ворон». Она прижалась щекой к стеклу, пытаюсь остудить пылающее лицо. Смутная необъяснимая тревога

подкралась, пробежала ветерком по спине, и радость от будущего соавторства с Игорем улетучилась. «Как там сейчас Ронка? Прооперировали уже, или только готовят к операции? Вот если бы она была со мной сейчас, я бы знала, как поступить».

Но подруга была далеко, за тысячи километров от родного города. Ничего не обещала, толком не сказала, когда вернётся. Может, через месяц, может, через полтора. А обнадёживала – всего дней двадцать. «Эх, выкручусь как-нибудь! Скажу, что мне было скучно, решила помочь», – Даша отмахнулась от тревоги, опять взгляделась в фото, изучая любимое лицо. – Дух захватывает от этих глаз. От скул, от бровей, от волос. Смотрю, и меня будто бьёт током».

В далёком прошлом остались школьные времена, когда она была влюблена в Вадима, прекраснее которого никого не встречала в жизни. Чеканный греческий профиль, длинные светлые волосы, великолепное атлетическое сложение. Он нырял в воду бесшумно, быстро плыл по дорожке бассейна, оставляя товарищей по тренировкам далеко позади. Но Вадим ушёл навсегда. Потом была симпатия к Мурату, однокласснику, лучшему другу, заботливому и верному. Но, как ни пыталась Даша, в ней так и не вспыхнуло яркого ответного чувства. Привязанность – да, дружба – да, лёгкая влюблённость в ответ на настойчивые ухаживания – может быть.

Игорь... Игорь – совершенно другой! Тоже невообразимо хорош, но не так, как Вадим – холодной, небесной красотой. Нет, он влечёт земным очарованием, лёгкой усмешкой, скользящей во взгляде, такой привлекательной самоуверенностью, за которой чувствуется нежная уязвимость.

«Господи, девчонки-сокурсницы узнают, обзавидуются! Какая же я везучая!» – Даша спрыгнула с подоконника и охнула – от долгого неподвижного сидения затекли ноги. Тут же пикнул телефон и у неё дрогнули руки – от Игоря. «А пошли завтра с нами в горы?»

#

В горы с семьей они выбирались часто – летом в небольшие походы и на пикники, зимой – покататься на аргамаках и баллонах. Даша любила уезжать из привычнопасмурного города к свежему горному воздуху – поближе к чистому небу и яркому солнцу. Но этот поход обещал быть совершенно иным. Игорь и его друзья – это не семья и не одноклассники.

На дно небольшого рюкзака лёг старый туго свёрнутый портплед и флисовая толстовка. Сверху – пакет с печеньем, конфетами и бутербродами с сыром, термос со свежесваренным зелёным чаем.

«На улице сыро и промозгло, всё пригодится», – Даша нарочито медленно спустилась по лестнице, пошла по улице, сдерживая шаг, чтобы не побежать стремглав навстречу Игорю, горам и счастью.

«Интересно, как встретит меня его компания? – пренебрежительное “свита” исчезло и даже думать не хотелось, что она тоже сегодня присоединится к стайке “следующих за Игорем”. – И эта блондинка со злобным взглядом? – Даша сморщилась так, будто надкусила лимон. – Что-то она там бормотала в буфете, когда Игорь угостил меня пирожком. Ладно, как бы ни встретили, он – самое главное, и меня мало интересуют его друзья».

Даша свернула на тихую улочку, присела на скамейку. Отсюда хорошо просматривалась остановка – место сбора. «Подожду-ка я здесь. Вдруг Игорь опоздает, а мне совершенно не улыбается стоять рядом с этой блондой Зюмочкой-изюмочкой». На металлических прутьях сидеть было холодно. «И кличка какая-то нелепая – Зю-ю-ма. Интересно, за что приклеилась? Может, в ней изюминка есть, которую я не вижу? – Усмехнулась мрачно старому

анекдоту: – Ага, как же, наковыряйте килограммчик. А, булка несвежая, вчерашняя, тогда обратно заковыряйте. Вот и в Зюме этот сухофрукт так “обратно заковыряли”, что, кроме ненависти и ехидства, ничего не найти».

Спустя несколько минут на остановку подошли друзья Игоря – сначала парень с девушкой, потом та самая блондинка. Наконец показался Игорь, и Даша заторопилась к месту встречи.

– Привет! – выпалила, задыхаясь. Игорь обернулся, обжёг взглядом и обнял.

– О, даже появляются вместе, – сладко пропела Изюмочка, – вы сговорились, что ли?

– Готовность номер один, транспорт на горизонте, – незнакомый парень, которого Даша раньше не видела, подхватил рюкзак, компания запрыгнула в автобус, и Даша нетерпеливо дёрнула Игоря за рукав: «Знакомь!»

– Да ты что, я думал, ты всех знаешь, – Игорь хозяйским жестом обвёл ребят. – Это Каринка, подруга Зюмы.

Каринка, которую Даша постоянно видела в компании Игоря, невысокая плотная девушка с каштановыми локонами в стиле принцессы Меган, смущенно хмыкнула.

– Это – Толян.

– Куда только не отправишься за девушкой мечты, – мрачно кивнул Толян.

– Ну, а это – несравненная Зюмочка. – Блондинка, всегда и везде сопровождавшая Игоря, скривилась и отвернулась к окну.

– А как полное имя? – вежливо поинтересовалась Даша.

Каринка прыснула и притворно закашлялась, а Зюмочка, не ответив на вопрос, вытащила из кармана и натянула на руки чёрные кожаные перчатки.

– Зюма готовится к убийству, – мрачно прокомментировал Игорь.

– Она всегда в общественном транспорте в перчатках ездит, даже летом. Умничка такая, защищает себя от микробов, – Каринка поджала губы.

– Жаль, Кисуля с Лапулей и Аселька сегодня не смогли. Обязательно подружись со всеми, – подмигнул Игорь.

– Что у нас на сегодня? А на сегодня у нас – приятная прогулка в приятной компании, – балагурил Игорь.

Даша смотрела в пол, стараясь не обращать внимания на быстрые исчезающие взгляды Каринки и Толяна.

В кабинке канатной дороги Зюмочка достала из рюкзака пол-литровую фляжку.

– А я предусмотрительная, – подмигнула лукаво. – Талгарский перевал – это высота три двести. Всегда – холодный ветер. – Она протянула фляжку «предводителю». – Значит, будем греться!

Игорь сделал большой глоток, одобрительно замычал.

– Ну что, кто лучше всех в поход собрался? – захихикала блондинка.

– Моя милая – ты вне конкуренции! – он снова приложился к фляжке, с сожалением вернул хозяйке.

– А теперь ты, – Зюма обернулась к Даше: – Не робей, то ли ещё будет.

Даша несмело взяла фляжку, ожидая какого-то подвоха.

– Давай, давай, – подмигнул Игорь, – проверил на себе, яда нет.

– А что это? – Даша, не пившая ничего крепче шампанского, сделала не-большой глоток, поперхнулась и закашлялась.

– Коньячок, а теперь вот шоколадочку сразу, – Зюмочка заботливо отломала кусочек от плитки.

Даша торопливо разжевала шоколад, торопясь заглушить едкий вкус. В животе разлилось приятное тепло.

Фляжка пошла по кругу.

– Пятнадцать минут счастливого распития на высоте! – воскликнул Толян, торопливо сделал несколько глотков. – Красота, земляне!

– Э, подожди, а то до перевала не дотянем, – Зюмаотобрала коньяк и, крепко закрутив флягу, спрятала в рюкзак. Даша засмеялась вместе со всеми. «Приняли, приняли в компанию. Теперь я – своя!» Через стеклянные стены плывущей по небу кабинки она посмотрела вниз. Там вздымались вершины елей, среди них вилась асфальтовая лента серпантина к горнолыжному курорту. То ли от спиртного, то ли от высоты закружилась голова, она ахнула и прижалась к Игорю. Поймала на себе взгляд Зюмочки. Что же в нём было? Нестерпимая боль и тоска? Возможно, ненависть. Даша вгляделась в её лицо – но нет, блондинка уже смеялась, шутила над Толяном, который, притворяясь пьяным, наваливался на Каринку.

Талгарский перевал, действительно, встретил ледяным ветром. На станции туристов не было. Только нахохлившийся от холода оператор канатной дороги мрачно смотрел из стеклянной будки. «Надо же, в городе снегом и не пахнет, а тут уже почти зима!» Вокруг высились чёрные скалы, кое-где покрыты наледью и припорошенные снегом. Ни деревца, ни кустика, ни сухой травинки. Только камни-камни-камни кругом. «Интересно, летом тут растёт вообще что-нибудь? Или всё-таки слишком высоко, и только мох расстилается, как в тундре?» Даша полезла в рюкзак за толстовкой. «Эх, тоненькую взяла, надо было свитер положить», – поёжилась, застегивая куртку высоко, до самого горла.

Каринка и Толян, отбежав от остальных, затеяли игру в снежки. Играли без перчаток, хватая снег голыми руками и дуя потом на озябшие пальцы.

– Снега мало совсем, – крикнула Зюмочка, – давайте на ту горку заберёмся, на город сверху посмотрим!

– Это ты называешь мало? – Даша осторожно переступила с дощатого настила станции на камни, присыпанные снежной крупой.

– Эх, ты в сезон не была, когда здесь пухляк толщиной в метр лежит! Я на борде катаюсь, это детские игрушки, а не снег, – Зюма попрыгала на месте, пытаясь согреться.

По узкой, едва протоптанной тропинке они стали карабкаться вверх. «Что-то я совсем не рассчитывала на такой экстрим сегодня. – Даша лезла по скользким камням вслед за Игорем. – Надо было зимние горные ботинки надевать и шапку потеплее. Вон куда забрались».

– Ничего, сейчас наверх залезем, жарко будет! – Игорь пытался перекрыть ветер, со свистом дувший вдоль гребня.

– Меня сейчас снесёт! – прокричала в ответ Даша, пригибаясь ближе к склону. «Но я ни за что не покажу свою слабость». Игорь как будто и не услышал. «Вон, блондинка сзади карабкается, и мне значит тоже во чтобы то ни стало надо залезть на самый верх».

Но Игорь обернулся, взял «новенькую» за руку и свернул на малозаметную тропку.

– Сюда, – махнул остальным, – здесь не так дует!

Они спрятались от ветра за хребтом, и идти стало легче. Даша действительно согрелась, карабаясь к вершине. Шли вереницей – Игорь, Даша, Зюма, Каринка и Толян. Парни взяли девушек в кольцо «безопасности», не сговариваясь. Изредка из-под ноги у кого-то срывался камень, и идущие ниже уворачивались и возмущенно вскрикивали.

– Долго там? – время от времени «нижние» спрашивали у «верхних».

– Не знаем, не видно! – раздавалось в ответ.

Когда поднялись на вершину гребня, увидели впереди новый гребень.

– А давайте дальше махнём? – разгорячился Толян.

– Ну нет, я пас, мой организм худеть не желает, – сдалась Каринка, – смотрим на город и обратно, как договаривались.

Далеко-далеко внизу клубился туман.

– А город в смоге, как всегда, – ухмыльнулся Игорь.

– Да не смог это, а туман, – возразил Толян.

– Ну да, кому легче от этого жить – тому туман, а реалистам – смог, – Зюмапнула камень, и он с шумом покатился вниз.

– Эй, не надо, обвал или оползень устроишь тут, – Каринка оттащила подругу от насыпи. На вершине опять задул пронизывающий ледяной ветер, и тело, разгоряченное ходьбой, стало остывать.

– Волшебную фляжку – в студию, – скомандовал Игорь. Зюма послушно полезла в рюкзак.

Они дружно допили коньяк. Теперь уже Даша не стеснялась и сделала несколько глотков, быстрых, маленьких, чтобы не успеть почувствовать вкуса.

– Гадость, но греет хорошо, – призналась она.

Зюма потрясла фляжку, удостоверилась, что там ничего не осталось.

– А теперь – горько! – воскликнула она, вопросительно глядя на Игоря.

– Горько, горько! – подхватила Каринка.

– Только не надо здесь этой клоунады, – пробасил Толян.

– Эх, – крикнул Игорь, притянул Дашу к себе, дыхнул коньяком в лицо и впился в губы.

Опешившая Даша застыла.

– Первый блин всегда комом. Может, второй раз будет лу-у-учше, – с сомнением протянула Зюма, когда Игорь отпустил девушку.

– Можешь теперь не умыться и не чистить зубы неделю, – засмеялась Каринка. – На вершине мира, на седьмом небе счастья ты удостоилась чести целоваться с самим Игорем Заруцким, – пропела заунывно-торжественно.

– Может, тоже поцелуемся? – Толян притянул певицу к себе.

– Ну тебя. Губы обветрятся, – Каринка, смеясь, ускользнула. – Потом, в городе.

– И ради неё я потратил сегодняшний день на ветер и холод. А мог бы сидеть в Сети резаться.

Спускаться оказалось труднее, чем подниматься. Кроссовки скользили по мокрым камням. Даша упала два раза, ушибла колено. Впереди показались кабинки канатной дороги, и это было как возвращение на землю из открытого космоса.

Компания поехала вниз – все притихшие, разомлевшие. По пути пожевали бутерброды, попили чай с конфетами. «А был ли тот поцелуй? – спрашивала себя Даша. – Или мне почудилось там, в разреженном горном воздухе? Поцеловал при всех, не стеснясь, значит, у него ко мне серьёзно? – Девушка осторожно положила голову на плечо Игоря. Он смеялся, перебрасывался шуточками с Толяном, не обращая внимания на Дашу, и её голова постоянно подпрыгивала, съезжала. – Забавно, всё равно глаза закрываются».

«В горы добирались два часа – автобус плюс канатка, – считала Даша, – на перевале провели час, и теперь обратно два часа. Это не с папой в походы ходить, когда полдня топаешь вверх и полдня обратно. Короткий маршбросок на горку, и назад. Лафа!»

Она вернулась домой, села за стол, по привычке включила компьютер. «У вас новое письмо», – высветилось в углу монитора.

«Высылаю тебе первую главу повести. Хочу в следующий раз в “Пегасе” читать. Посмотри, отредактируй, так, чтобы все упали! Игорь». Даша, не понимая смысла слов, щёлкнула по файлу с названием «Вампир И».

«Я – прекрасный вампир.

Я пришёл в этот мир, чтобы все были счастливы. Некоторые люди не понимают этого. Спорят, зацикленные на своих ничтожных мелких мыслишках. В наше время вообще любой выскочка готов заявить о своём мнении как об истине в последней инстанции. Ну да бог с ними.

Я прекрасный вампир, который охотится на красивых девушек.

Я делаю их прекрасными вампирками...»

Даша дочитала текст, минут пять посидела, уставившись на экран компьютера. Не было ни слов, ни мыслей, ничего.

«Треш», – наконец-то прошептала она и повалилась на кровать.

Глава седьмая

«Вот тебе, подружка, загадка: кто лежит в клинике института имени того, на улице имени кого этот институт находится?² Угадай! Но это так, шутка. Не шутка, что уже месяц я в Питере, кочую по «лечебнице» из отделения в отделение. Тоска смертная, хотя есть и свои плюсы. Во-первых, разрешили читать книги. Бумажные. Здесь небольшая библиотека, и в ней я нашла потрясающую штуку – “Историю государства инков” Гарсиласо де Веги. Тебе бы тоже понравилось. Недаром ты на историческом. Наслаждаюсь по два часа в день. Во-вторых, ногу мне «сделали» – теперь я не буду хромать. Представляешь?! Но больно – мама не горюй! Врач сказал, что ещё лет двадцать болеть будет на погоду или при сильной нагрузке, а потом пройдёт. Так что потерпеть осталось самую малость – два десятка годков». Рона оторвалась от компьютера – в палату буфетчица вкатила тележку с едой. Вкусно запахло горячим какао.

– Доброе утро, Лола Фёдоровна.

– И тебе, Роночка. А что это ты с компьютером сидишь? Не положено.

– Да мне Жорес Саныч позволил. Пятнадцать минут. Письмо только напишу.

– Ну, смотри... Быстрее пиши, а то остынет всё, – она поставила на стол тарелку с молочной рисовой кашей. Сверху шлёпнула кусочек сливочного масла. От горячей каши масло стало таять, превращаясь в маленькое золотое солнце. – Добрый у нас Жорес Саныч, другой бы... эх-х, – налила в кружку какао, подвинула блюдец с рогаликом, маленькой коробочкой клубничного джема и двумя треугольниками сыра в блестящей фольге. – Зайду скоро. Ты если надо скажи, я тебе какао ещё налью. – И вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Рона торопливо застучала по клавиатуре:

«Один плюс – я в одноместной палате. Дорого, но оно того стоит. Ты же знаешь, мне с людьми сложно. Скучаю я только по тебе. Но лечение требует – никаких компов, никаких телефонов. Никакого напряжения на мозги... Так только, точно, с “высочайшего позволения”. Мама здесь рядом квартиру сняла, я ей пароли дала, и по утрам она распечатки всех сообщений медсестре передаёт, а уже вечером сама приходит. Что бы я без неё делала... Без постоянной связи с тобой мне тяжело, непривычно. Да уж недолго терпеть

² Национальный медицинский исследовательский центр / Клиника института имени В. М. Бехтерева, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3.

осталось. А ты так редко весточки шлешь. Ладно, что-то разнылась я, подруга. Ничего, вернусь – оторвёмся! Обнимаю и жду встречи. Рона».

Нажала «Отправить» – письмо ушло. С последним «кликом» открылась дверь, заглянула хмурая медсестра:

– Всё?

– Всё, отправила. Спасибо!

– Ага. Отдавай машинку.

Дождь за окном превратился в серую летящую пелену. «Как водопад или горная речка, поставленная вертикально. Нет, скорее водопад, Ниагара или Виктория, – Рона намазывала джем на булочку. – Свет горит, тепло, светло, мухи не кусают. А за стеклом всё живое сносит стихия. Не скажешь, что ноябрь на исходе».

Тоскливое утро обещало перерасти в такой же тоскливый день, потом вечер, потом смутную, беспокойную ночь. И если поначалу медсестра приносила перед завтраком распечатки с полученными сообщениями и письмами от подруги постоянно, то теперь весточки стали редкими и скучными на слова. Так, привет, как дела, у меня всё хорошо. И всё. Всё хорошо.

Рона уставилась в окно. Легонько скрипнула дверь.

– Ну вот, опять ничего не съела, – буфетчица поджала губы, – невкусно?

– Нормально, – Рона положила нож и рогалик на поднос, – не хочется.

– Тебе и вчера «не хочется», и третьего дня... Что, голодовку объявила?

Вот пожалуюсь...

– Жалуйтесь, – девушка равнодушно пожала плечами. – Ну, чтобы вас порадовать, какао выпью, – отпила из кружки. – Спасибо, очень вкусно.

– Смотри, – пригрозила Лола Фёдоровна, – через трубку кормить будут. Ты ж худеющая, как велосипед.

– Не хочу сейчас. В обед поем, не беспокойтесь.

– Может тебе гамбургер, или пиццу? – буфетчица перешла на шёпот и опасливо оглянулась. – Я пронесу, если что. Вы, молодые, без этой пищи жить не умеете.

Слово «пища» прозвучало оскорблением. Мол, как можно есть такое, когда на свете существует нормальная вкусная еда. Рисовая молочная каша с расплавленным солнцем, какао из бобов криольо или форастеро. Лучше, конечно, криольо. Огромная сочная клубника, выращенная в далёкой жаркой стране и переработанная в джем.

– Спасибо. Правда-правда, спасибо, – внимание было приятно, но Роне хотелось остаться одной, она уткнулась лицом в подушку, пробормотала невнятно, – я лучше подремлю немного.

– Ну-ну, дремай, – Лола Фёдоровна выплыла из палаты.

«Как могучий буксир с ма-аленьким корабликом-тележкой, – слезы стекали на подушку, – что ж я так расклеилась? Не будет мне покоя, пока я ищу его. Не зря настоятель говорил: “В камне всё увидишь. Для кого-то это проклятье, кому-то – великий дар”. – Она вытащила из-под подушки кристалл. Всмотрелась в призрачное и прозрачное Ничто. – А для меня? Чего хорошего ждать мне от этого дара? – В глубине камня появился Игорь. И этот напыщенный павлин, заносчивый и самовлюбленный Нарцисс, по-хозяйски обнимал за плечи Дашу. А за ними хихикали и перемигивались размалёванные девицы. Жизнь есть жизнь, и не всегда ожидания исполняются. Вот и Даша оказалась такой же, как и прежние “подружки” – не захотела дружить с “чокнутой”. Побоялась. Просто вежливая оказалась, решила порвать отношения не мгновенно, а потихоньку-полегоньку, некогда, мол, заботы-учёба и всё такое прочее. – Рона отложила камень и вытерла глаза. – Не дождётесь, господа. Мы

свой персональный дождь выключаем. Пусть он остаётся за стеклом».

Блокнот, карандаш. Чистый лист. Повесть будет написана, она обретёт жизнь. И слова, новые нужные слова.

#

«– Ф-фу-х-х-х, – Ворон облегчённо выдохнул. Выдох получился больше похожим на неприятный тревожащий свист, и Тия непроизвольно поморщилась: «Какие мы нежные».

Чудище скривило «лицо» и шагнуло вперёд. Тия икнула, а Ворон отпрыгнул в сторону:

– Эй, эй, стой, где стоишь! – Чудище сделало ещё шаг. – Стоять, кому сказал! И отвечай быстро: грамоте разумеешь? Тьфу! Говорить можешь?

– Говорить могу, – пробасило Чудо-юдо. – Я красиво говорить могу, и много. Только я жрать хочу! – в углах рта появилась пена, глазки налились кровью.

Ворон торопливо каркнул, и перед ним материализовался огромный тазик. Завёрнутые в прозрачную пищевую плёнку гамбургеры, хот-доги, куски пиццы возвышались неаппетитной мусорной горой.

– Ты откуда эти отходы наколдовал? – Тия непроизвольно прикрыла нос варежкой. Когда-то давным-давно, в другой, не этой ледяной жизни, она отдыхала на море. В жаркой солнечной стране. Солнечной-солнечной, где никогда не видели снега... И как-то раз, после одного из многочисленных праздников, Тия видела, как служащие сгребали в огромную кучу испортившуюся за жаркий день еду. Пахла она омерзительно.

– Потом. Давай, помоги, – попросил ворон.

Они дружно толкнули тазик, и тот подкатился по обледелой земле прямо к ногам голодающего. Чудище выхватило из кучи гамбургер, откусило половину и зачавкало.

– Он что, прямо с плёнкой заглатывает? – тошнота подкатила к горлу, и Тия брезгливо отвернулась.

– Да пусть хоть с тазиком всё слопает, – Ворон поцарапал когтистой лапой по льду. – Сейчас надо понять, чего от этого типа ждать. Вам ведь вместе «весело шагать по просторам».

– Как вместе, – похолодела Тия, – а ты?

– Я, я... Что я? Сейчас этого допросить надо, – и обратился к Чудищу. – Слышь, ты, ты кто такой?

– Не знаю, – Чудище безразлично пожало плечами. Еда исчезала в его пасти с ужасающей быстротой.

– А откуда взялся?

– Не знаю. Голос сказал «иди», я пришёл.

– Какой голос?

– Не знаю, – Чудище постучало себя по голове. – Вот здесь. Голос сказал «иди и проводи».

– Кого?!

– Не знаю. – Слова звучали невнятно, будто и их жевали вместе с кусками пиццы. – Может, тебя. Или её, – глазки Чудища масляно блеснули, – лучше её. Много еды.

– Приплыли... Хорошенького же тебе проводничка подсознание выкинуло, – Ворон жалостливо вздохнул. – Да ладно, дарёному коню в зубы не смотрят. Сейчас я тебя научу легкому колдунству – как еду добывать для этого пугала, иначе схарчит он тебя.

– Да не хочу я с ним никуда идти, – Тия не на шутку разозлилась.

– А тебя, родное сердце, кто спрашивает? Другого проводника всё равно нет.

– А ты?!

– Так я тебя и довёл. До твоего Запределья. А дальше не моя проблема. Мне давно улетать пора.

– И мне теперь с ним?!

– Ну да. Сколько можно спрашивать? Оно, конечно, за спрос денег не берут...

У Тии от злости и жалости к себе из глаз брызнули слёзы.

– Не реви, этим не поможешь. Ты ему хоть имя придумай. Всё-таки попутчик. Неловко как-то эй-тыкать всю дорогу. – Ворон выхватил из воздуха носовой платок. – На, утрись.

Тия приняла платочек: «Надо же, льняной и с кружевами. Тонкий какой, почти прозрачный. Или призрачный».

– А ты думала, я тебе тряпку драную выдам? – заёрничал тут же Ворон. – Не сумлевайс-с-си, родимая: венецианский, настоящий, с острова Бурано. Слыхала про такой?

«Вот же зануда». Она пропустила колкости мимо ушей, трубно высморкалась, решила, что использованный платок возвращать негоже, спрятала в карман и спокойно сказала:

– Может, Квазимодо? Или этого, как его звали, чудовище из книжки про Франкенштейна...

– Экзистенциальненько, – Ворон почесал лапой под крепким клювом. – Квазимодо мне жалко. Да и второго мне тоже жалко. Страшненькие они оба. Бесшансовые по жизни или по смерти. А в общем, ерунда... И не надо мне про богатый внутренний мир ля-ля, – вздохнул печально. – Физическим уродством их наградили, а духовной красотой и необходимым разумом обеспечить забыли. – Ворон непечатно выругался: – ... творцы.

– Тогда я не знаю, – Тия равнодушно пожала плечами. – Буду эй-тыкать.

– Мда-а, молодёжь... – Ворон сокрушённо помотал головой. – Впрочем, как не назови, краше не станет. Пусть Мешком будет. – Оживился. – А что, мешок, он мешок и есть. Хоть с едой, хоть с этим... самым. – Мелко закаркал-захихикал. – Этот и с тем, и с этим. Кстати, наш Мешок уже тазик догрызает. Чудище, свернув жестяной таз в трубку, запихивало его в пасть.

Неожиданно туман, будто повинувшись неведомой силе, поднялся вверх, закружился, закучерявился тёмными тучами. А совсем у горизонта появилось колесо. Подлетело вверх, потом вниз, стукнулось о землю и закрутилось вокруг своей оси.

– Шалит, змеёныш, – Ворон не скрывал раздражения, а колесо развернулось плоскостью к компании и засверкало жёлтым, зелёным, красным, – светофорит. Нашёл развлечение.

– Это что, там парк «карусельками», колесо обозрения? – Тия зачарованно наблюдала за сменой цветных всполохов.

– Обозрения это колесо, а не обозрения! Вот это та самая штука, к которой вам надо дойти. Уруборос тот самый, змей кусачий, ни дня ему, ни ночи. К-колёсико, что б ему несладко каталось!

С серого неба густо повалил снег. Рыхлые хлопья оседали на ветвях дерева, ковром покрывали землю.

Ворон расправил крылья:

– Повезло. Идти не скользко будет. Теперь тебе быстренько надо каркать научиться.

– З-зачем?

– Как накаркаешь, так и полопаешь, – переиначил старую поговорку. – Ну-ка, пробуй. Делай как я!

Тия попробовала: звук получился чем-то средним между кряканьем и хрюканьем. Ей под ноги упал пучок укропа. Маленький, подвявший, будто неделю провалялся в холодильнике, забытый в овощном ящике.

– Н-да, не француженка, – Ворон сокрушённо покрутил головой, – ты тренируйся, а то твоему попутчику не укроп, белки да медленные углеводы нужны.

Чудище отлепилось от дерева и неуклюже подобралось к Тие, обнюхало жалкий пучочек укропа и забасило:

– Мало. Чёрный, пойдём с нами, ты каркаешь вкусно.

– Имейте совесть, у меня свои дела, – Ворон пару раз подпрыгнул нетерпеливо, – топайте вдвоём! Пропитание колдовать она научится по ходу, не похудеешь. – Тия сосредоточилась, каркнула свирепо и оглушительно громко. Из ниоткуда вывалился огромный свиной окорок. Отлично прокопчённый, судя по запаху и коричневой, лаково блестящей кожице. На толстом срезе нежно-розовый с белыми прожилками сала. – Да, кстати, ты теперь с именем. Тебя зовут Мешок.

Чудище радостно оскалилось, покачивая в лапищах истекающую жиром свиную ногу:

– Меня зовут Мешок!

– Молодец! Её зовут..., – искоса взглянул на девушку, – как тебя зовут?

– Тия, – процедила сквозь зубы.

– Тия. Мешок и Тия. Мешок проводит Тию, – махнул крылом, – проводит до... а, неважно, – быстро крутнулся на месте и растворился в летящих хлопьях снега. Чёрный в белом. Будто и не было Ворона никогда. Привиделся, примстился».

###

Рона отложила блокнот. Серый день, серый дождь, серая жизнь. Ворон исчез, превратился в ничто. Вот так и она, Рона, исчезнет из жизни Даши, сольётся с питерским нескончаемым дождём. А подруга даже не заметит этого исчезновения.

Продолжение в № 6, 2024.

